НА БАСТІОНАХ

СЕВАСТОПОЛЯ

ВОСПОМИНАНІЯ СЕВАСТОПОЛЬЦА ИЗЪ ВРЕМЕНИ ОСАДЫ И ШТУРМА [1855 г.]

ИЗЪ ЗАБЫТОЙ ТЕТРАДИ

П. ЖАДОВСКАГО

Съ 47 иллюстраціями въ текстѣ

ЦѢНА 50 КОПѢЕКЪ

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Гостиный дворъ № 18

МОСКВА
Кузнецкій мостъ № 12

СКЛАДАХЪ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

Гостиный дворъ, № 18. | ВЪ МОСКВѢ, Кузнецкій мостъ, д. № 12.

УПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ:

...КІЕВСКІЙ СОБОРЪ

...ПОСТРОЙКИ ХРАМА, ЕГО СВЯТИЛИЩА И ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТИ

П. ПРЕОБРАЖЕНСКАГО

Со 110 иллюстраціями, планами и фотохемиграфическими воспроизведеніями художественныхъ достопримѣчательностей храма.

Цѣна 75 коп. съ пересылкою. Съ наложеннымъ платежомъ цѣна 1 руб.

ПЕТЕРГОФЪ

ЕГО ПАРКЪ, ЕГО ДВОРЦЫ, ЕГО ФОНТАНЫ ВЪ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ

К. М. Муханова

Съ 52-мя гравированными видами и планомъ Петергофа

Цѣна ... коп.; съ пересылкою цѣна 40 коп.; съ наложеннымъ платежомъ цѣна 50 коп

ДАЧИ

...ТЕМНЫЯ СТОРОНЫ НАЕМНЫХЪ ДАЧЪ И ВЫГОДА СТРОИТЬ СОБСТВЕННЫЯ ДАЧИ

НАБРОСКИ АРХИТЕКТОРА

К. Я. ПОЛУЯНСКАГО

Съ 60 рисунками фасадовъ, плановъ, профилей и пр.

ДЕШЕВЫХЪ ДАЧНЫХЪ ПОСТРОЕКЪ, КАМЕННЫХЪ И ДЕРЕВЯННЫХЪ

Цѣна 40 коп.; съ пересылкою цѣна 50 коп.; съ наложеннымъ платежомъ цѣна 60 коп.

...МОСТЬ КНИГЪ МОЖНО ВЫСЫЛАТЬ МАРКАМИ

На бастіонахъ Севастополя

Воспоминанія

Севастопольца изъ времени осады и штурма

(1855 г.)

Изъ забытой тетради

П. Жадовскаго.

СЕВАСТОПОЛЬ! Какъ много въ этомъ словѣ для русскаго народа. Есть имена, которыхъ значеніе такъ велико и многознаменательно, что прежде нежели они сдѣлаются достояніемъ исторіи, они уже врѣзываются глубоко въ народную память. Послѣ исторія вписываетъ ихъ въ свои скрижали, разбираетъ подробно ихъ значеніе, указываетъ, какую роль они играли въ прошедшемъ, какую играютъ въ настоящемъ, и что ожидаетъ ихъ въ будущемъ, а народъ видитъ въ нихъ только свое великое, общее достояніе; они дѣлаются для него таинственнымъ символомъ и переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Такъ небольшой городокъ въ Крыму, раскинувшійся на лѣвомъ холмѣ, вдавшемся въ Черное море, со своимъ прекраснымъ портомъ, глубокими бухтами, составляющій не болѣе какъ главный пунктъ черноморскаго флота, съ доками для починки кораблей,—теперь сталъ мѣстомъ великимъ, котораго слава куплена кровію многихъ тысячъ храбрыхъ русскихъ воиновъ, совершившихъ на его развалинахъ исполинскій подвигъ терпѣнія, мужества и любви къ отечеству.

Я былъ въ Севастополѣ; какъ строевой офицеръ стоялъ на бастіонахъ, гдѣ пало столько нашихъ героевъ. Ходилъ по батареямъ, по площадямъ, по улицамъ; живо помню изрытую ядрами и бомбами землю, которую часто смачивала человѣческая кровь. Тогда видна была передъ глазами только великая картина осады, и среди ужаснаго дѣлаго мало замѣчались частности; но теперь, когда все это прошло, все обратилось въ какой-то страшный сонъ, многое изъ событій частной жизни, во время осады Севастополя, приходитъ на память, со всѣми подробностями, со всѣми поразительными чертами, тогда какъ будто ускользавшими отъ вниманія. Я не буду описывать военныхъ дѣйствій во всей ихъ строгой послѣдовательности, съ ихъ худыми или хорошими послѣдствіями; не буду критиковать, какъ стратегикъ, всенныхъ распоряженій, а буду набрасывать только очерки нѣкоторыхъ драматическихъ эпизодовъ, которыхъ или самъ былъ очевидцемъ, или слышалъ отъ лицъ, въ истину словъ которыхъ я вполнѣ вѣрю. Эти эпизоды, можно сказать, составляли внутреннюю, домашнюю нашу жизнь во время осады. Если я наброскою наскоро нѣсколько общихъ событій: штурмовъ, бомбардировокъ, вылазокъ и тому подобнаго, то набросаю это съ той точки зрѣнія, съ какой они мнѣ тогда представлялись; и если воображеніе мое не въ состояніи будетъ представить ихъ во всей поразительной и, часто, ужасной вѣрности, то никто не въ правѣ требовать отъ меня того, что выше силъ моихъ.

Представьте себѣ полуостровъ, съ трехъ сторонъ котораго море врѣзалось глубокими бухтами; эти бухты соединяются одна съ другой проливами, середина полуострова образуетъ высокій холмъ. На этомъ городообразномъ полуостровѣ амфитеатромъ раскинулся городъ. Улицы его узкія, неправильныя, идутъ по скатамъ холма и дѣлаются еще неправильнѣе, поднимаясь къ вершинѣ. Съ сѣверной стороны большая площадь, а на площади, на самомъ берегу моря, каменный фортъ съ гровными батареями, обращенными въ море. На земля-

ной косѣ, вдавшейся въ главную рейдовую бухту, сообщающуюся непосредственно съ моремъ, еще фортъ съ батареями. По ту сторону рейдовой бухты, противъ города, на небольшомъ мысѣ, тоже фортъ съ батареями; и такъ, три форта, какъ три грозные стража, защищаютъ городъ съ моря. Куча разнородныхъ зданій, разбросанныхъ при подошвѣ, по скатамъ и на вершинѣ мѣлового холма, съ природными каменными мостовыми; вѣчная ѣдкая пыль, носящаяся надъ ними, и все это накаливаемое жгучими лучами солнца Таириды — вотъ Севастополь!

С.. ...й пѣхотный полкъ стоялъ на четвертомъ бастіонѣ; это былъ самый важный пунктъ во всей линіи Севастопольскихъ сухопутныхъ укрѣпленій, исключая Малахова кургана. Во время пригововъ, въ великія торжественныя минуты боя, потонувшій въ дыму, сбливаемый пламенемъ гремящихъ батарей, — страшенъ былъ четвертый бастіонъ для осаждавшихъ враговъ!

Рано утромъ, 26-го мая 1855 г. надъ Севастополемъ прогремѣло нѣсколько выстрѣловъ и нѣсколько бомбъ лопнуло въ воздухѣ. Заря только-что занималась; съ моря дулъ прохладный вѣтерокъ и развѣвалъ флаги сторожевыхъ непріятельскихъ фрегатовъ на дальней чертѣ рейда. Два офицера С... го пѣхотнаго полка шли бульваромъ, по направленію къ Николаевской площади. Одинъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати трехъ, блондинъ, высокаго роста, стройный, съ лицомъ нѣжнымъ и пріятнымъ. Другой казался лѣтъ тридцати восьми-девяти, роста средняго, сложенія плотнаго, съ лицомъ умнымъ, серьезнымъ, чертами рѣзкими, — онъ по всему казался старымъ служакой. Первый былъ подпоручикъ; послѣдній капитанъ. Оба офицера одѣты въ шинеляхъ, при полусаблях, въ легкихъ лѣтнихъ фуражкахъ. Капитанъ шелъ прихрамывая, опираясь на палку. Подпоручикъ шелъ легко и свободно, но соображался съ походкой своего старшаго, раненаго товарища. Офицеры шли долгое время молча, оба погруженные въ думы, хотя у обоихъ, повидимому, думы были различны. На лицѣ подпоручика можно было прочесть только повѣсть свѣтлыхъ воспоминаній о милыхъ сердцу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ту легкость характера, которая въ молодые годы не позволяетъ глубоко врѣзываться въ душу ни страстямъ, ни воспоминаніямъ. На лицѣ капитана думы принимали болѣе строгій характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ оно говорило всякому, что этотъ человѣкъ провелъ жизнь не даромъ, и съумѣетъ съ терпѣніемъ покориться всѣмъ ударамъ рока.

ЗАЩИТНИКИ СЕВАСТОПОЛЯ: ЧЕРНОМОРСКІЕ ПЛАСТУНЫ 2-го И 8-го БАТАЛІОНОВЪ.

Офицеры поравнялись уже съ памятникомъ Казарскаго, какъ вдругъ глухое, отрывистое шипѣніе раздалось въ воздухѣ. По густому, прерывающемуся, шипящему звуку, ясно было, что гдѣ-то вблизи спускалась бомба, и бомба большая. Не говоря ни слова, оба офицера подбѣжали къ памятнику и прислонились къ стѣнкамъ его съ противной стороны отъ того мѣста, куда, какъ можно было догадываться по звуку, спускалась бомба. Прошло мгновенье и послышалось паденіе тяжелаго тѣла на каменистый грунтъ. Еще одинъ мигъ,—и глухой ударъ потрясъ воздухъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стоявшихъ, мимо памятника, фыркая, пронеслись осколки разорвавшагося снаряда; дымъ отъ разрыва потянуло вѣтромъ на памятникъ, и онъ на мгновеніе какъ бы окутался легкимъ, туманнымъ, бѣловатымъ облакомъ.

— А, кажется, семипудовая! знатно шлепнула! — проговорилъ капитанъ, отходя первый отъ памятника.

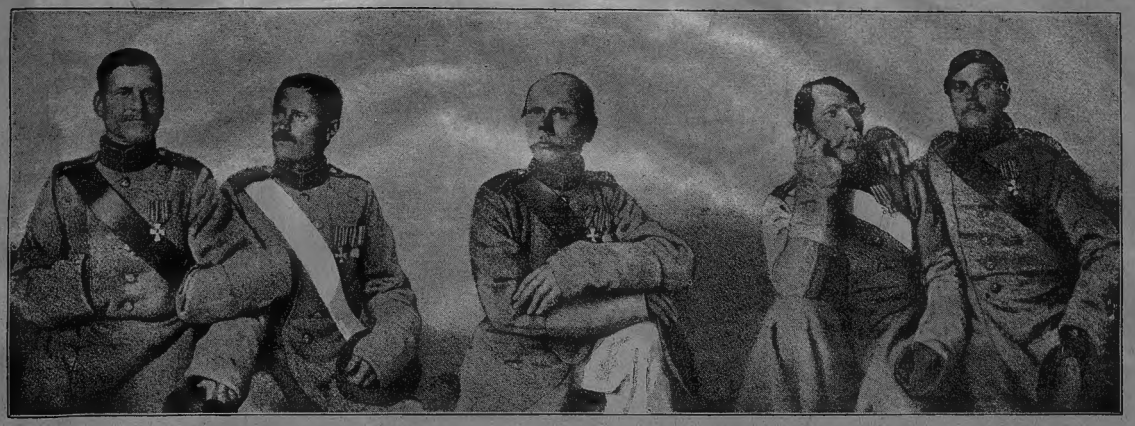
— У меня въ ушахъ стало глухо, Иванъ Васильичъ, — смѣясь, заговорилъ подпоручикъ, слѣдуя за капитаномъ. — Не худо-бы теперь выкупаться въ бухтѣ, а то меня на бастіонѣ сегодняшнюю ночь всего дымомъ прокоптило.

— На здоровье, изъ васъ будетъ хорошій окорокъ! — отвѣтилъ капитанъ, улыбнувшись. —Послушайте, Вингрецкій, не ходите теперь купаться въ бухту: во-первыхъ, въ полдень всегда нехорошо, нездорово, во-вторыхъ, съ батареи Викторіи въ это время дня, какъ я давно уже замѣтилъ, рыжіе часто пускаютъ семипудовыя чугунки и трехпудовыя ядра.

— Полноте, капитанъ, вѣдь здѣсь со всѣхъ сторонъ падаютъ эти штуки, чортъ ее знаетъ, гдѣ упадетъ семи или пяти пудовка!—да я уже съ ними свыкся на бастіонѣ, такъ онѣ мнѣ не страшны.

— Не страшны, можетъ-быть, а опасны всегда. Зачѣмъ же рисковать жизнію еще тамъ, гдѣ она и безъ того каждую минуту въ опасности. Вы молоды, Яковъ Николаичъ—продолжалъ капитанъ задумчиво и серьезно, — а въ молодости жизнь дорога, да она и нужнѣе, чѣмъ жизнь старикомъ.—Сказавъ это, Турбановъ вздохнулъ.

Капитанъ Турбановъ въ С.....мъ полку считался старымъ служакой—и, дѣйствительно, онъ прослужилъ около двадцати пяти лѣтъ; ему было далеко за сорокъ, но онъ сохранилъ и бодрость духа, и физическую крѣпость тѣла, такъ что, если-бъ не сѣдина, пробивавшаяся въ его густыхъ волосахъ, то ему можно было дать не болѣе тридцати пяти лѣтъ. Служба, какъ видно, тоже не баловала Ивана Васильевича;



ТИПЫ СЕВАСТОПОЛЬСКИХЪ ЗАЩИТНИКОВЪ: БОМБАРДИРЫ-АРТИЛЛЕРИСТЫ—ЖИТОМИРЦЫ И ХОТИНЦЫ.

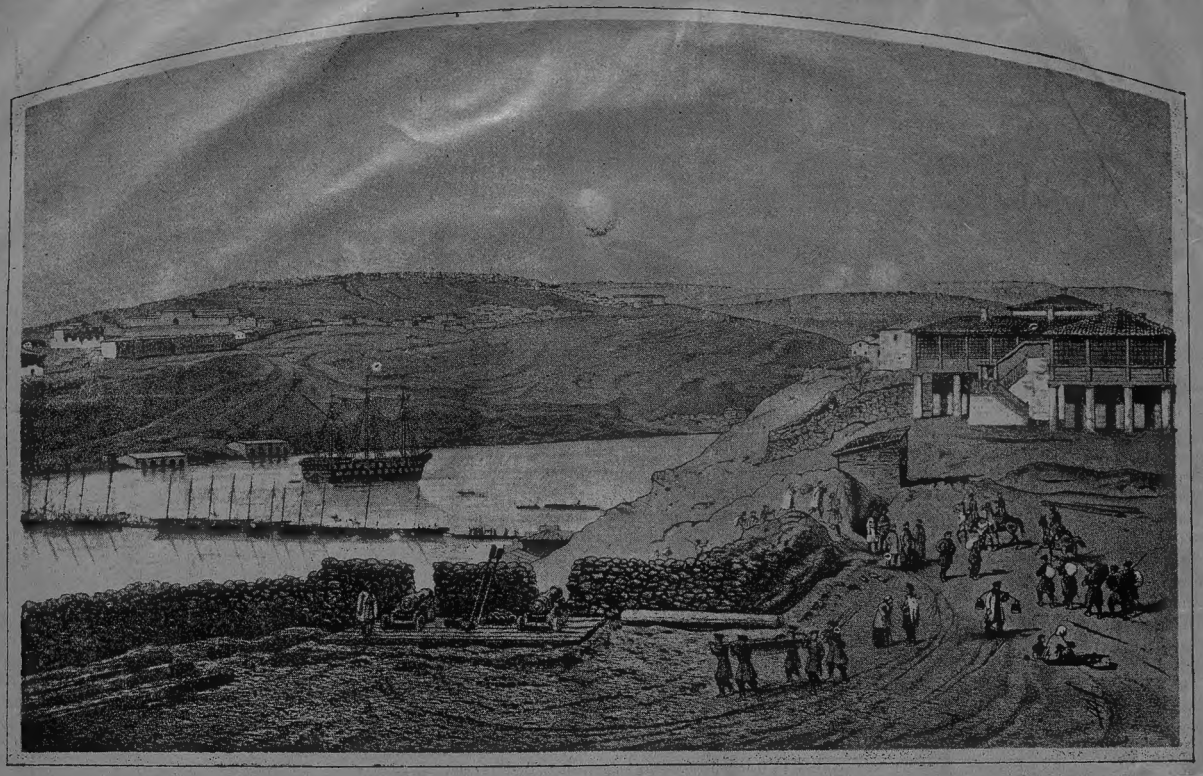
онъ въ чинѣ капитана служилъ уже слишкомъ восемь лѣтъ, и служилъ отлично, всегда получая изъ первыхъ благодарность начальства. Много помѣшали служебному ходу капитана Турбанова его переводы,—онъ четыре или пять разъ былъ переведенъ изъ полка въ полкъ, по распоряженію начальства. Въ полку носились разные слухи на счетъ причинъ переводовъ капитана. Одни говорили, что капитанъ за дерзкіе и смѣлые отвѣты начальниками всегда былъ не любимъ и тѣснимъ; другіе — что онъ дуэлистъ; третьи намекали на какія-то любовныя катастрофы;—но вообще положительнаго никто ничего не зналъ о прошлой жизни капитана Турбанова. Самъ же Иванъ Васильевичъ о себѣ говорилъ очень мало, а о прошлой своей жизни ровно ничего. Несмотря на свою задумчивость и часто мрачное расположеніе духа, онъ любилъ въ кругу товарищей, за стаканомъ вина, или чая, поразсказать кое-что изъ виднѣннаго имъ въ жизни. Одно только казалось страннымъ, что онъ всегда разсказывалъ исторіи печальнаго содержанія, и самъ становился задумчивымъ, пока, наконецъ, мрачныя мысли или воспоминанія не накоплялись въ душѣ его, тогда онъ умолкалъ, и ничѣмъ уже нельзя было заставить его говорить въ то время. Молодые офицеры любили капитана Турбанова, во-первыхъ, за то, что онъ никогда не былъ педантомъ по службѣ, а во-вторыхъ, за его умѣнье пожурить и похвалить во-время, съ какой-то отеческой снисходительностію къ слабостямъ и проступкамъ молодости. Старшіе офицеры и высшіе начальники, начиная съ батальонныхъ командировъ и далѣе, уважали капитана за его твердый характеръ и неуклонную честность, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто боялись его и всегда избѣгали съ нимъ короткихъ сношеній, называя его потатчикомъ и баловщикомъ молодежи. Изъ числа молодыхъ офицеровъ С....го полка Турбановъ особенно любилъ подпоручика Вингрецкаго, онъ выхлопоталъ о помѣщеніи его въ свою роту и всегда становился съ нимъ на квартирѣ.

СЕВАСТОПОЛЬЦЫ: РЯДОВЫЕ МОСКАЛЕНКО И ЮНИКОВЪ.

СЕВАСТОПОЛЬЦЫ: РЯДОВЫЕ ПАНЬКОВЪ И СТАНИШЕВСКІЙ.

Вингрецкій, года за три до начала кампаніи 1853 г., выпущенъ былъ въ офицеры изъ кадетскаго корпуса. Смѣлый въ опасностяхъ, великодушный, готовый раздѣлить все, что имѣлъ, съ товарищами, Вингрецкій вмѣстѣ съ тѣмъ былъ непостояннаго и веселаго характера. Любимый товарищами, какъ лихой малый, онъ чаще другихъ увлекался въ разныя шалости; не склонный по природѣ ни къ пьянству, ни къ распутству, онъ готовъ былъ изъ одного глупаго товарищества подражать другимъ во многомъ, что передъ закономъ и совѣстью становилось уже проступкомъ. Этотъ молодой и пылкій юноша, вырвавшись изъ клѣтки на волю,

ТИПЫ СЕВАСТОПОЛЬСКИХЪ ЗАЩИТНИКОВЪ (РЯДОВЫЕ ЖИТОМИРСКАГО ЕГЕРСКАГО И ХОТИНСКАГО АРТИЛЛЕР. ПОЛКОВЪ).



ВИДЪ ИЗЪ СЕВАСТОПОЛЯ НА ЮЖНУЮ И КОРАБЕЛЬНУЮ БУХТЫ ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ.

и въ полку, часто ставшемся съ такими лицами, которыхъ нравственность давно уже была испорчена, вѣроятно, скоро попалъ-бы на дурную дорогу и преждевременно испортилъ бы свою карьеру, но судьба столкнула его съ Турбановымъ и онъ былъ спасенъ. Къ проступкамъ и шалостямъ Вингрецкаго Турбановъ дѣлался строже, чѣмъ къ поступкамъ другихъ, но, несмотря на это, молодой подпоручикъ всегда съ покорностію выслушивалъ выговоры и замѣчанія Ивана Васильевича. Было-ли это слѣдствіемъ его глубокаго уваженія къ капитану, или знакомъ особенной привязанности и благодарности за разныя благодѣянія,—опредѣлить трудно; можетъ быть и то, и другое, и третье, располагало Вингрецкаго въ пользу его патрона. Во время похода изъ Дунайскихъ княжествъ къ Севастополю, Турбановъ, повидимому, еще сильнѣе привязался къ Вингрецкому; нисколько не стѣсняя его свободы, онъ зорко наблюдалъ каждый шагъ юноши, и часто выручалъ его изъ многихъ бѣдъ. Послѣ вступленія на Севастопольскіе бастіоны, Турбановъ по возможности старался отвлечь Якова Николаевича отъ ночныхъ похожденій, и отъ удалыхъ, но часто совсѣмъ безполезныхъ вспышекъ храбрости, которая въ поручикѣ доходила иногда до самозабвенія. Вингрецкій всегда напрашивался въ охотники, даже въ тѣ команды, куда солдаты вызывались изъ другихъ полковъ. Въ непріятельскихъ траншеяхъ, во время ночныхъ нападеній, онъ заходилъ часто за предѣлы черты нападенія, увлекая за собой на вѣрную гибель нѣсколько удалыхъ головъ, а иногда и всю команду; и осудьба, видимо, хранила его и онъ даже ни разу не былъ раненъ.

Отъ памятника Казарскаго Турбановъ и Вингрецкій спустились внизъ по каменной лѣстницѣ, на Николаевскую площадь. Солнце показалось изъ-за моря; въ воздухѣ совершенная тишина, день обѣщалъ быть жаркимъ. На Николаевской площади проходили взадъ и впередъ наши солдаты, запыленные, закопчёные, они шли съ бастіоновъ, гдѣ смѣнили ихъ другіе. Около стѣнъ Николаевскаго форта стояли съ одного конца артиллерійскіе ящики, съ другого нѣсколько шалашей и длинные ряды составленныхъ въ козлы ружей, а за ними батальонъ солдатъ, расположившихся въ разныхъ положеніяхъ на землѣ. Въ самомъ зданіи форта, дѣятельность уже началась. Нижніе казематы обратились въ лавки, куда купцы, оставшіеся въ Севастополѣ, снесли свои товары, и подъ громомъ лопавшихся бомбъ, какъ бы ни въ чемъ не бывало, продолжали свою коммерческую дѣятельность. Тамъ, подъ мрачными сводами, въ одномъ изъ подваловъ, открылся даже трактиръ и готовилось кушанье, правда, не очень хорошее, на скорую руку, но офицеры и тому были рады.

Капитанъ и подпоручикъ достигли уже середины площади, какъ съ непріятельской батареи раздался залпъ тяжелыхъ орудій, затѣмъ отвѣтные выстрѣлы съ нашей стороны. Въ воздухѣ, съ разныхъ сторонъ, послышалось шипѣнье, шурканье, свистъ и грохотъ,—то были голоса различныхъ смертоносныхъ снарядовъ, пролетавшихъ надъ осажденнымъ городомъ во всѣхъ направленіяхъ.

— Э, да нынче что-нибудь особенное будетъ, —проговорилъ Вингрецкій, посмотрѣвъ въ сторону бастіоновъ.

— Бомбардировка будетъ, вотъ и вся особенность,—сказалъ Турбановъ, какъ-будто про себя, и повернулъ прямо къ центру Николаевскаго форта.

— Куда же вы теперь, Иванъ Васильичъ?— спросилъ подпоручикъ.

— Кое-что купить нужно, моя рота нынче утромъ смѣнилась съ бастіона, и теперь обѣдаетъ. Нѣсколько часовъ свободнаго времени употреблю я на отдыхъ и на закуску.

— Зачѣмъ же въ батарею? пойдемте домой, тамъ можно лучше закусить.

— Будемъ и дома, а теперь пойдемъ поскорѣй подъ своды казематовъ, оно будетъ вѣрнѣе. Право, не очень пріятно ѣсть, когда бомба, какъ жареная дичина, спустится къ тебѣ на тарелку.

— А какъ же вы всегда на бастіонѣ преспокойно обѣдаете въ своемъ блиндажѣ и не обращаете никакого вниманія на выстрѣлы, какъ-будто бомба не такъ можетъ пробить или срыть эту кучку земли, насыпанную надъ нашими норами.

— Обѣдалъ, и буду обѣдать на бастіонѣ всегда спокойно. Тамъ одно мѣсто, здѣсь другое. Тамъ долгъ и честь, а тутъ собственный произволъ и глупый рискъ. Неужели ты хочешь, любезный другъ, и на пустой площади безъ всякой пользы выказывать свою храбрость? По мнѣ, кто жизнь свою не бережетъ, тотъ атеистъ или отчаянный гордецъ,—а у кого въ сердцѣ есть вѣра, тотъ не станетъ играть жизнію, какъ негодной или ненужной вещью, —а вспомнитъ, что ее далъ Богъ, и возьметъ, когда на то будетъ Его святая воля. Я сказалъ тебѣ проповѣдь, можетъ, ты и посмѣешься надо мной въ кругу молодежи, назовешь, пожалуй, святошей, ханжой; ну, да это все равно для меня,—ты очень хорошо знаешь, что я никогда ни передъ кѣмъ не проповѣдую того, чего самъ не чувствую; а потому, вѣрь, что сердце мое къ тебѣ лежитъ, отъ того и высказалъ

БОМБАРДИРОВАНІЕ СЕРАСТОПОЛЯ ТУРЕЦКО-АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИМЪ ФЛОТОМЪ 5-го ОКТЯБРЯ 1854-го ГОДА.

ОДИНЪ ИЗЪ ПОЛКОВЪ «СЕВАСТОПОЛЬЦАВ»: ЗНАМЕНЩИКЪ СЕЛЕНГИНСКАГО ПОЛКА СИЗОНИКЪ, СИЛЬНО КОНТУЖЕННЫЙ НЕПРІЯТЕЛЬСКОЮ ГРАНАТОЮ ВЪ СРАЖЕНІИ ПРИ ОЛЬТИНИЦѢ 23-ГО ОКТЯБРЯ 1853 Г., ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТДАТЬ ДРУГИМЪ ЗНАМЯ, СО СЛОВАМИ: «ПОКА ЖИВЪ, НИКОМУ ЗНАМЕНИ НЕ ОТДАМЪ».

КОНДУКТОРЪ ПАРОХОДА «КАНДІЯ» РЫБАКОВЪ, ОДИНЪ ИЗЪ ЗАЩИТНИКОВЪ ЦИГОЛЕВСКОЙ БАТАРЕИ Г. ОДЕССЫ.

тебѣ все, что было у меня на душѣ, рискуя даже попасть въ хамки.

Вингрецкій ничего не отвѣтилъ, но по его всегда веселому лицу, промелькнуло облако грустной задумчивости. Молча прошли они разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ форта и вошли подъ своды казематовъ. Въ это время началась одна изъ тѣхъ ужасныхъ бомбардировокъ, какія въ продолженіе осады повторялись не болѣе пяти разъ. Залпы осадныхъ орудій быстро слѣдовали одинъ за другимъ, потрясая землю. Ядра, завывая, проносились тучами надъ городомъ, бомбы отрывисто шипѣли въ воздухѣ, и падая, то на землю, то на крыши зданій, то на батареи, всюду распространяли смерть и опустошеніе. Отрывистые, глухіе взрывы чиненныхъ снарядовъ, раздававшіеся въ постоянномъ шипѣніи и свистѣ другихъ вѣстниковъ смерти, можно было сравнить съ ударами въ глухіе барабаны въ этомъ адскомъ концертѣ. Звуки, то разсыпались въ воздухѣ, какъ-будто по частямъ, то сливались въ одинъ ужасный дикій ревъ, и неслись подобно страшному, всесокрушающему вихрю надъ разрушеннымъ городомъ. Ядра, падая на каменистый грунтъ площадей и улицъ, подымали облака пыли, которыя, смѣшиваясь съ облаками дыма, то сливались въ одну тучу, висѣвшую неподвижно въ воздухѣ, то вдругъ неслись въ разныя стороны, гонимыя вѣтромъ, помрачая сіяніе лазурнаго неба. На землѣ раздавался громъ, вездѣ виднѣлись гибель и разрушеніе, а на ясномъ небѣ безмятежно сіяло лѣтнее солнце; тамъ, вдали, покрытое вѣчной рябью, блистало, какъ вороненая сталь, черное море. На морѣ стояли сторожевые англійскіе и французскіе фрегаты, готовые, въ свою очередь, подойти ближе къ береговымъ батареямъ и выпустить цѣлыя тучи чугунныхъ посланниковъ. Во время бомбардировокъ Севастополь былъ истинно ужасенъ; обвернутый въ дымно-кровавый саванъ, гордо стоялъ этотъ исполинъ, встрѣчая лицомъ къ лицу неизбѣжную гибель,—казалось, онъ презиралъ всѣ усилія враговъ своихъ и, разрушаясь мало-по-малу, грозилъ похоронить ихъ подъ своими развалинами. Но часъ послѣдней борьбы еще не насталъ и бомбардировка 26 мая была только какъ бы предтечей бомбардировки 5-го іюня предъ послѣднимъ, отчаяннымъ штурмомъ.

Въ небольшой комнатѣ одного, еще не разрушеннаго дома, сидѣли два офицера на диванѣ и тихо разговаривали; одинъ изъ сидѣвшихъ, маіоръ Вишвицкій, лѣтъ сорока, съ лицомъ хитрымъ и недобрымъ, поглаживалъ рукою, время отъ времени, свои рѣдкіе рыжіе бакенбарды. Другой прапорщикъ, худой, блѣдный, съ взъерошенными волосами, и странной физіономіей, передавалъ маіору что-то интересное. Онъ то, подвигался ближе къ Вишвицкому, то отдалялся,—однимъ словомъ двигался по дивану, какъ-будто сидѣлъ на иголкахъ. Оба собесѣдника были въ шинеляхъ; у маіора шинель на распашку, у прапорщика застегнута на всѣ пуговицы.

Домъ, въ которомъ маіоръ Вишвицкій занялъ себѣ квартиру, былъ изъ числа тѣхъ немногихъ зданій въ городѣ, которыя еще не совсѣмъ разрушились, и хотя слѣды бомбъ, пробитой осколками и ядрами стѣны, ясно говорили, что и его не совсѣмъ обошла военная буря, а только оставила до времени, но разбитый, онъ все еще крѣпился и стоялъ также прямо, какъ и до осады.

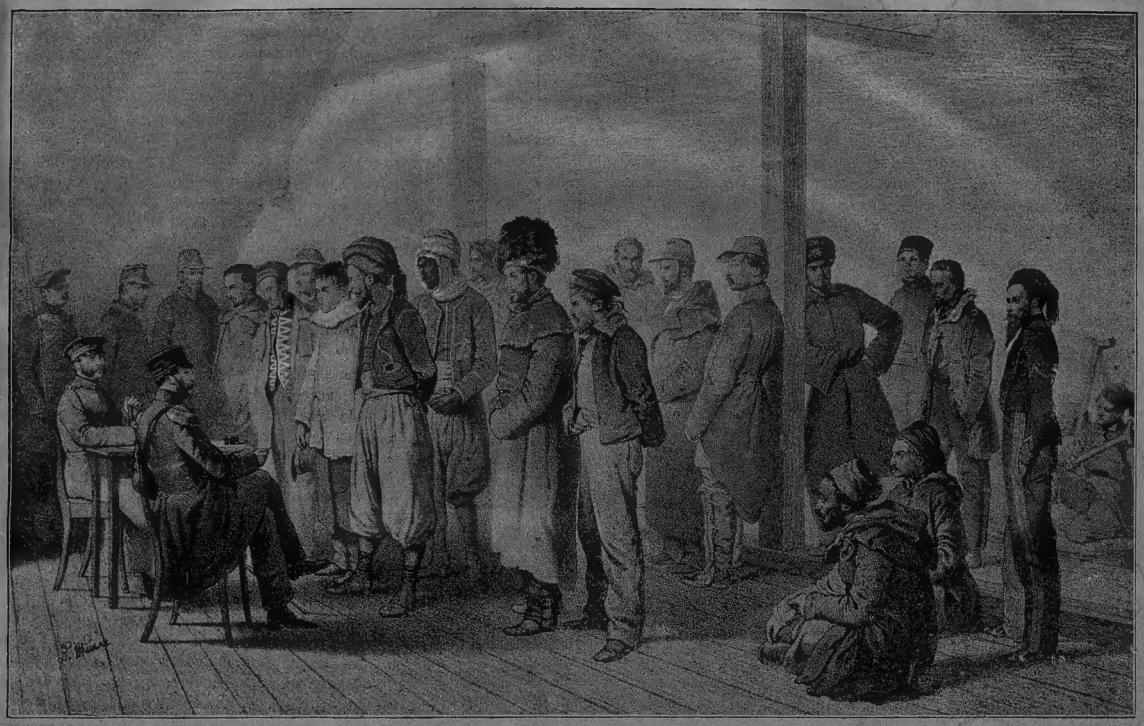
— Вотъ что я вамъ скажу, Владиславъ Сигизмундовичъ,—говорилъ прапорщикъ Скудницкій, возвышая голосъ,—если-бъ можно было распорядиться такъ, чтобъ Турбанова съ ротой поставить на правый фасъ бастіона, то... Вы изволите сами разсудить, что дѣло будетъ вѣрнее.

— Да, это хорошо, очень хорошо!— отвѣтилъ маіоръ съ видимымъ удовольствіемъ, и сѣрые глаза его блеснули зловѣщимъ блескомъ.—А вы, какъ думаете кончить съ Вингрецкимъ?—продолжалъ Вишвицкій, съ насмѣшкой уставивъ глаза на прапорщика.

— Я съ... я-съ, какъ бы вамъ сказать, маіоръ, право, самъ я не знаю, а только жаль, право, жаль упустить такой лакомый кусочекъ, какъ Маша.—Тутъ тусклые глаза Скудницкаго потускнѣли еще болѣе, какъ-будто какая влага застилала ихъ. Онъ сладко и глупо улыбался, потирая руки и наклонившись впередъ всѣмъ корпусомъ, точно готовясь упасть передъ маіоромъ на колѣни.

— Молодо, глупо!—проговорилъ Вишвицкій.

Вишвицкій былъ хитеръ, какъ лисица и волъ, какъ чортъ. Въ полку его никто не любилъ, исключая двухъ-трехъ его земляковъ, которые, можетъ-быть, отчасти видѣли въ томъ свою пользу, потому что маіоръ былъ ихъ



ПЛѢННЫЕ ТУРЕЦКО-АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЙ АРМІИ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ ВЪ ФЕВРАЛѢ 1855 ГОДА.

батальонным командиромъ. По службѣ Вишвицкій шелъ хорошо, что приписывали его вкрадчивости и лести, расточаемой обильно передъ старшими. Многіе говорили, что маіоръ исполнялъ должность шпіона, передавая высшему начальству разныя разности, которыя бы должны оставаться въ полку, по пословицѣ: «изъ избы соръ не выносятъ».

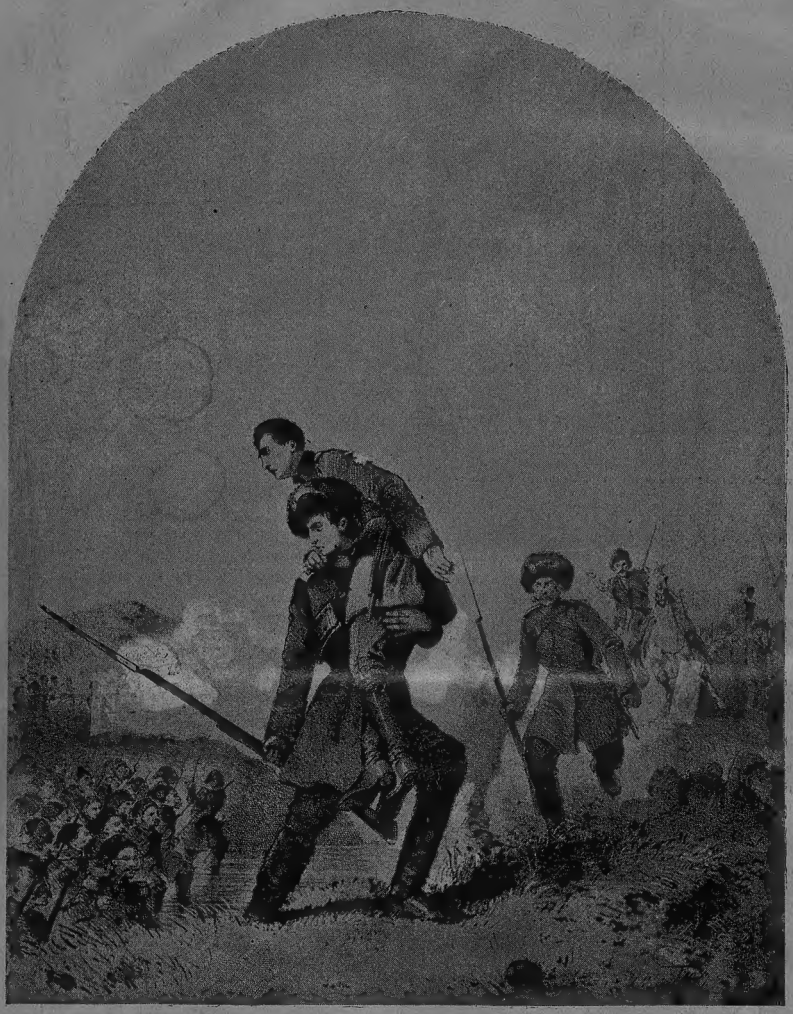
Капитанъ Турбановъ командовалъ карабинерной ротой въ баталіонѣ Вишвицкаго. При первой еще встрѣчѣ, начальникъ и подчиненный почувствовали антипатію другъ къ другу. Но характеръ ихъ непріязни былъ различенъ. Вишвицкій, ненавидя капитана, ощущалъ вмѣстѣ съ тѣмъ какой то неопредѣленный страхъ и во многихъ случаяхъ соглашался съ мнѣніями своего врага, но за то онъ не упускалъ случая вредить капитану втайнѣ. Турбановъ видѣлъ въ маіорѣ льстеца и лицемѣра, а потому его антипатія была не болѣе какъ отвращеніе отъ дурного человѣка, которому обязанности службы, какъ бы въ насмѣшку, предписывали ему повиноваться, и онъ повиновался, проявляя за то внѣ службы всю силу отвращенія и презрѣнія къ своему баталіонному командиру.

Турбановъ принялъ роту Вишвицкаго уже въ Севастополѣ. Никогда не напрашивавшійся и не отказывавшійся отъ службы, Иванъ Васильевичъ и на этотъ разъ, при всемъ своемъ отвращеніи къ маіору, не хотѣлъ просить полкового командира о назначеніи его въ другой баталіонъ. Къ тому же военная, полная тревогъ и опасностей жизнь, представляла Турбанову много средствъ, чтобы какъ можно рѣже встрѣчаться съ Вишвицкимъ и даже по служебнымъ отношеніямъ. Несмотря, однако, на всю свою холодную осторожность къ маіору, капитанъ не избѣжалъ враждебныхъ съ

АНГЛО-ФРАНЦУЗСКІЯ ВОЙСКА, ОСАЖДАВШІЯ СЕВАСТОПОЛЬ.

нимъ столкновеній, и однажды, въ присутствіи полкового командира, эти два офицера жарко поспорили.

Турбановъ, на сторонѣ котораго была истина и справедливость, не пощадилъ своего противника, и въ рѣзкихъ выраженіяхъ представилъ низкія черты его характера; сорвалъ съ него маску лицемѣрія, однимъ словомъ, выставилъ маіора предъ начальникомъ въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ. Вишвицкій, разбитый на всѣхъ пунктахъ, скрылъ свое бѣшенство подъ маской смиренія и старался обратить въ шутку сарказмы капитана, но въ душѣ его кипѣла месть.



ПОДВИГЪ ОДНОГО ИЗЪ СЕВАСТОПОЛЬЦЕВЪ: ПОДПРАПОРЩИКЪ КНЯЗЬ АНДРОНИКОВЪ ВЪ СРАЖЕНІИ ПОЛЪ БАШЪ-КАЛЫКЪ-ЛАРОМЪ. 19-го ноября 1853 года спасаетъ раненаго унтеръ-офицера Гогшева, котораго онъ, несмотря на гнавшихся за нимъ враговъ, взвалилъ къ себѣ на плечо и храбро, отворачиваясь изрѣдка къ настигающимъ и отмахиваясь штыкомъ, понесъ къ баталіону.

Съ тѣхъ поръ маіоръ сталъ слѣдить за Турбановымъ, стараясь находить ошибки въ его служебной дѣятельности, и при первомъ удобномъ случаѣ тотчасъ дѣлать замѣчанія, выговоры, и разными тонкими намеками и насмѣшками, видимо, хотѣлъ вывести изъ терпѣнія капитана, чтобъ вѣрнѣе достигнуть цѣли своей мести. Но хладнокровный и въ свою очередь осторожный Турбановъ не попадался въ разставленныя сѣти; отгадывая намѣреніе маіора, онъ въ глубинѣ души смѣялся надъ своимъ злымъ, но безсильнымъ противникомъ.

У Вишвицкаго въ баталіонѣ былъ нѣкто, прапорщикъ Скудницкій, еще молодой человѣкъ, но успѣвшій уже погрязнуть въ болотѣ распутства. При всемъ этомъ Скудницкій, однако-жъ, обладалъ достаточной долей хитрости, а хитрость его становилась менѣе замѣтною отъ смиреннаго вида прапорщика. Блюдолизъ у товарищей, льстивый до низости съ начальниками, Скудницкій иногда кусалъ больно, но незамѣтно, а потому его всѣ только презирали, но не боялись, тогда какъ отъ этой ходячей язвы слѣдовало съ ужасомъ бѣжать. Этого-то человѣка маіоръ Вишвицкій сдѣлалъ своимъ кліентомъ, и поручилъ ему присматривать и вывѣдывать все, что только касалось капитана Турбанова. Скудницкій принялъ на себя должность шпіона тѣмъ охотнѣе, что ненавидѣлъ капитана уже и за то, что тотъ любилъ подпоручика Вингрецкаго, его заклятаго врага. Что Вингрецкій сдѣлался предметомъ ненависти Скудницкаго, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Первый былъ человѣкъ благородныхъ правилъ съ вѣрующей душой и прямымъ, хотя и взбалмошнымъ характеромъ; второй съ душой шаткой и коварной, съ сердцемъ загрубѣлымъ отъ распутной жизни. Могли ли два подобные джентельмена сойтись мирно на житейской дорогѣ? Такъ и вышло. Вингрецкій, при первомъ столкновеніи, нравственно уничтожилъ Скудницкаго, и съ тѣхъ поръ этотъ послѣдній старался избѣгать встрѣчи съ подпоручикомъ, но за то, какъ полураздавленная гадина, искалъ случая исподтишка ужалить своего врага.

— Вотъ, я васъ научу что дѣлать,—продолжалъ маіоръ, поглаживая бакенбарды,—вѣдь она дочь штурмана, а моряки шутить не любятъ. Когда Вингрецкій придетъ къ ней на свиданье, вы увѣдомьте отца, а, пожалуй, и приведите его, такъ чтобъ онъ засталъ любовниковъ на мѣстѣ преступленія, ну, тогда... понимаете? послѣ вы можете занять открывшуюся вакансію.

— А если дѣвчонка закапризится, да еще, пожалуй, узнаетъ, что я причиной бѣды ея любовника, тогда она мнѣ не проститъ за своего возлюбленнаго. Ахъ, Владиславъ Сигизмундовичъ, какъ я несчастенъ!

— Да, вамъ бы такъ и схватить счастье за волосы,—нѣтъ, еще погодите, поживете съ мое, такъ и узнаете, какъ счастье-то трудно достается. Ну, что вы скажете насчетъ капитана? гдѣ онъ теперь?

— Рота его сегодня утромъ смѣнилась съ бастіона, а капитанъ въ Николаевской батареѣ, я сейчасъ былъ тамъ.

— Съ кѣмъ онъ и что дѣлаетъ?

— Со своимъ адъютантомъ преспокойно закусываетъ въ трактирѣ.—Скудницкій улыбнулся.

— Идите туда, а послѣ приходите ко мнѣ обѣдать, да не забудьте разузнать, куда отправится капитанъ, по выходѣ изъ форта. Да смотрите, не вздумайте теперь волочиться за Машей, а то какъ разъ попадете въ зубы къ Вингрецкому, а вѣдь онъ шутить не любитъ, неправда-ли? ха, ха, ха!

— Богъ съ вами, Владиславъ Сигизмундовичъ, и вы надо мной уже насмѣхаетесь, я и безъ того такъ несчастливъ.

Страшный трескъ отъ лопнувшей надъ домомъ бомбы заставилъ прапорщика присѣсть къ полу. Осколокъ, фунтовъ въ десять вѣсомъ, пробилъ потолокъ, ударился въ стѣну, выворотилъ кирпичъ, и упалъ на полъ, у самыхъ ногъ маіора. Маіоръ поблѣднѣлъ, но скрылъ свой испугъ, и отталкивая ногой осколокъ бомбы, проговорилъ:

— Вотъ славная закуска, чортъ возьми! кусокъ чугуннаго пирога,—очень неудобная вещь для пищеваренія.

— Охъ! вотъ она, жизнь-то!—проговорилъ Скудницкій, тяжело вздохнувъ. Лицо прапорщика, вытянутое, блѣдное, сохраняло еще вполнѣ слѣды ужаса, и было очень некрасиво.

— Что, трусу празднуешь? — сказалъ Вишвицкій, вставая съ дивана.

— Помилуйте, Владиславъ Сигизмундовичъ, кому жизнь не дорога?—вѣдь здѣсь не на бастіонѣ, ни за-что пропадешь!

— Ладно, пане браце, знаемъ мы вашу храбрость. Однако, идите-ка въ батарею, да узнайте, что подѣлываетъ вашъ добрый другъ Вингрецкій?

— Ради Бога, маіоръ, развѣ вы не изволите слышать, какая трескотня въ воздухѣ,—точно цѣлый полкъ чертей воетъ надъ городомъ! вѣдь теперь шагу нельзя сдѣлать, какъ разъ пришибетъ.

— Какъ вамъ угодно, господинъ прапорщикъ, я васъ не принуждаю,—проговорилъ Вишвицкій, и гордо отвернулся отъ Скудницкаго.

— Вотъ, вы и разсердились, Владиславъ Сигизмундовичъ, развѣ не знаете, что я для васъ хоть въ адъ готовъ. Иду, иду! сейчасъ!

ПРОВОДЫ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА И МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХ СЕВАСТОПОЛЯ 1[illegible] ЯНВАРЯ 1[illegible] ГОДА.

— До свиданья! я васъ жду къ обѣду,—проговорилъ Вишнацкій, въ слѣдъ уходившему прапорщику.

По уходѣ Скудницкаго, маіоръ вышелъ въ другую комнату, служившую ему спальней и легъ на постель, предварительно заткнувъ уши хлопчатой бумагой, чтобъ не слышать треска лопавшихся бомбъ и свиста ядеръ.

Въ Николаевскомъ фортѣ, въ одномъ изъ казематовъ подъ сводами, сидѣло вокругъ стола человѣкъ пять или шесть офицеровъ, и между ними капитанъ Турбановъ и подпоручикъ Вингрецкій. На столѣ стояло еще нѣсколько тарелокъ съ остатками кушанья, но разбросанные въ безпорядкѣ ножи, вилки и ложки, сдвинутые въ кучу стаканы показывали, что завтракъ или обѣдъ уже окончился. Передъ нѣкоторыми офицерами стояли стаканы съ виномъ, другіе пили пуншъ; всѣ почти курили и вели оживленную бесѣду.

— Я вамъ говорю, капитанъ, что готовъ прозакладывать бутылку шампанскаго, если нынче не будетъ штурма.

— Я и самъ въ этомъ вполнѣ согласенъ,—продолжалъ поручикъ съ повязанной рукой,—но вѣдь бываетъ много случаевъ въ военное время, гдѣ храбрость можетъ проявиться почти безусловно—напримѣръ, ночные вылазки,—въ нихъ всегда выбираются охотники.

— А я вамъ докажу, что именно въ ночныхъ-то вылазкахъ и удобнѣе укрыться трусу.

— Что вы, что вы капитанъ!! неужели-жъ капитанъ-лейтенантъ Ч. и матросъ Бурка могутъ быть трусы, когда они не пропускаютъ ни одной вылазки и всегда первые въ охотникахъ.

— Очень можетъ быть, что они и трусы, очень можетъ быть также, что они и дѣйствительно храбрецы по природѣ; но въ послѣднемъ случаѣ они составляютъ рѣдкое нравственное исключеніе, и достойны всѣхъ возможныхъ наградъ и отличій. Какъ вы думаете, Вингрецкій, можетъ-быть я и ошибаюсь?—Турбановъ обратился къ подпоручику, который все время сидѣлъ и молчалъ, не вмѣшиваясь въ разговоры, а занятый, повидимому, какой-то печальной мыслью.

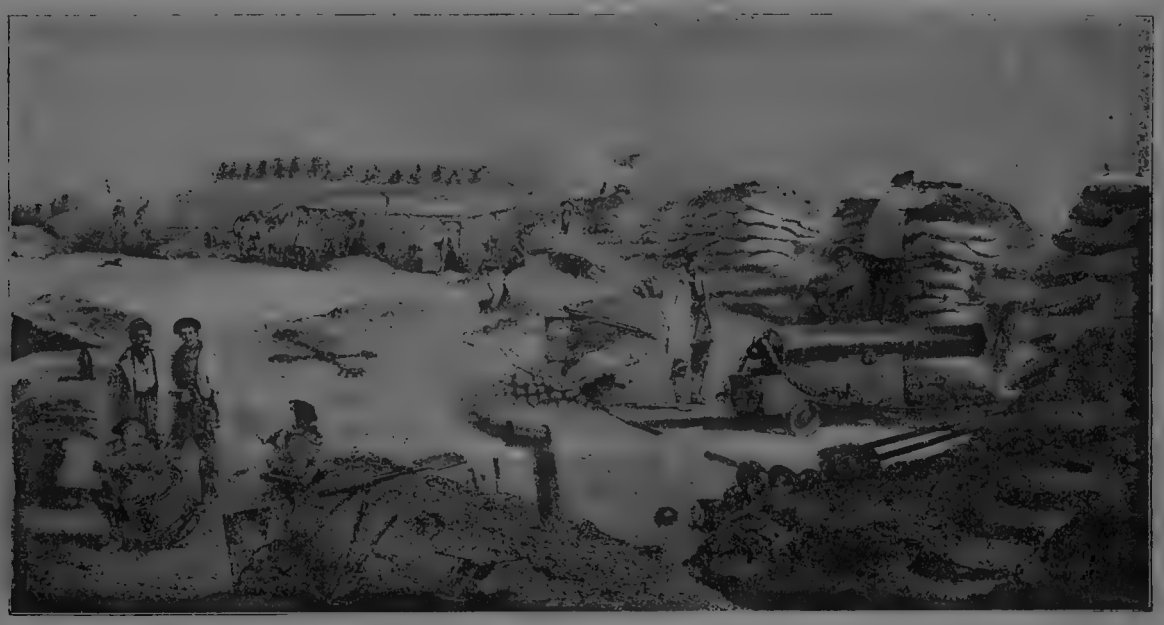
серьезнымъ и почти печальнымъ,—то я вамъ скажу,—и пусть господа смѣются надо мной, сколько угодно,—что я предчувствіемъ всегда вѣрилъ и вѣрю; въ мою жизнь, во многихъ случаяхъ, являлось оно вѣстникомъ горя и предсказанія его исполнялись вѣрно. Разскажу кстати одинъ случай, бывшій, однакожъ, не со мной, но я свидѣтель и очевидецъ, а потому и могу за истину этого случая поручиться честнымъ словомъ.

Офицеры, молча, придвинулись къ Турбанову, а Вингрецкій подперъ голову обѣими руками, и проговорилъ какъ-будто про себя:

— Можетъ-быть, я послѣдній разъ слушаю добраго Ивана Васильича.

Турбановъ началъ:

«Я былъ еще молодъ, здоровъ, свѣжъ душой и вѣрилъ въ одно добро, но это было давно, лѣтъ двадцать назадъ; несмотря, однакожъ, на долгій періодъ времени, свѣтлое время молодости воскресаетъ предо мной съ такою ясностію, что думается, не сонъ-ли уже все это прожитое время. Я поступилъ на службу юнкеромъ, но ам-



ВНУТРЕННОСТЬ ОДНОЙ ИЗЪ БАТАРЕЙ МАЛАХОВА КУРГАНА, ГДѢ УБИТЪ ВИЦЕ-АДМИРАЛЪ В. А. КОРНИЛОВЪ 5-го ОКТЯБРЯ 1854 ГОДА.

— Объ этомъ спорить трудно,—отвѣчалъ Турбановъ сидѣвшему противъ него офицеру, у котораго подвязанная рука и прострѣленная въ трехъ мѣстахъ пулями шинель, ясно свидѣтельствовали о его короткомъ знакомствѣ съ боемъ.

— Будетъ, или не будетъ приступъ, а я бы желалъ, чтобъ онъ былъ, желаю уже и для того, чтобы нашего многоуважаемаго Ивана Васильевича произвели въ маіоры, что онъ давно уже заслужилъ своей храбростью и отличной службой.

— Храбрость — качество очень условное, поручикъ,—отвѣтилъ Турбановъ.—Болѣе или менѣе мы всѣ храбры, когда стоимъ подъ огнемъ; у другаго, можетъ-быть, душа въ пятки уходитъ, а онъ не двигается съ мѣста, а не двигается потому, что долгъ велитъ и страхъ удерживаетъ. Вѣдь не лучше, когда свой-же братъ солдатъ пырнетъ штыкомъ въ бокъ, какъ измѣнника и труса.

— Иванъ Васильичъ всегда правъ,—сказали нѣкоторые изъ офицеровъ, вслушавшись въ слова Турбанова.

— Вѣрите-ли вы въ предчувствіе, Иванъ Васильичъ?—спросилъ вдругъ Вингрецкій Турбанова на сдѣланный ему вопросъ.

Собесѣдники съ удивленіемъ посмотрѣли на подпоручика, а Турбановъ ничего не сказалъ, но задумался. Вингрецкій выпилъ залпомъ стоявшій передъ нимъ полный стаканъ вина, и опрокинулъ его вверхъ дномъ. — Вотъ, господа,—продолжалъ онъ, ударяя пальцемъ по стакану,—сейчасъ въ этой посудѣ было вино, теперь его нѣтъ ни капли, черезъ минуту онъ будетъ сухъ и никто не отгадаетъ, какая жидкость была въ немъ налита.

— Что за философія, Яковъ Николаичъ? заговорилъ капитанъ, посматривая съ удивленіемъ на молодого человѣка.—Вы всегда были веселы и смотрѣли впередъ съ надеждой, откуда у васъ такое мрачное настроеніе духа?

— Отъ предчувствія, Иванъ Васильичъ, отъ предчувствія! Вѣрите-ли вы въ предчувствіе? Извините, что повторяю мой вопросъ.

— Если вы хотите знать, вѣрю ли я предчувствіямъ,—заговорилъ Турбановъ голосомъ

муницію носилъ не долго; меня скоро произвели въ прапорщики за отличіе, послѣ царскаго смотра. Послѣ смотра, намъ объявили походъ и мы пошли на зимнія квартиры въ Т... губернію.

Полкъ нашъ стоялъ при Штабѣ дивизіи, а потому и квартиры наши по деревнямъ были не далеко отъ губернскаго города. Я—вновь произведенный прапорщикъ—жаждалъ жизни и наслажденій. Посланныя мнѣ отцомъ деньги составляли большую сумму, на которую можно было покутить. Я отправился на недѣлю въ отпускъ и уѣхалъ въ губернскій городъ, заранѣе вкушая сладость свободы удовольствій и любовныхъ интригъ. Въ городѣ, я нанялъ квартиру и пошелъ писать удалая. Скоро около меня, незамѣтнымъ образомъ, составился кружокъ молодыхъ офицеровъ, также пріѣхавшихъ покутить, а изъ нихъ многіе уже и прокутились. Время мы проводили весело. Днемъ катались, играли на бильярдѣ, обѣдали, завтракали, пили шампанское; вечеромъ начиналась игра въ банкъ, а потомъ, если игра кончалась рано, мы гур-

томъ отправлялись на лихачахъ въ разные заѣтные, таинственные домики, гдѣ въ маленькихъ комнаткахъ обитали наши Маши, Саши, Лизочки и Вѣрочки. Вѣдь вотъ, подумаешь, молодость, куда какъ она беззаботна, мы и не думали тогда о будущемъ, тратили свои молодыя силы безъ мѣры, безъ времени, часто ставя ребромъ послѣднюю копѣйку. Со мной на квартирѣ столялъ вмѣстѣ прапорщикъ Лыжинъ, тоже только-что произведенный въ офицеры, но не изъ юнкеровъ, а изъ Кадетскаго Корпуса. Что это былъ за милый, за веселый мальчикъ! вѣтренный, беззаботный, но кроткій и любящій; добрая душа его не знала ни злобы, ни ненависти; міръ и жизнь разстилались передъ нимъ прекрасной картиной. Я съ нимъ сдружился скоро и даже, повѣрите-ли, господа, почувствовалъ какое-то благотворное вліяніе: сталъ степеннѣе, и удерживался отъ сильнаго разгула. Лыжинъ ѣздилъ въ одинъ домъ, гдѣ его принимали, какъ родного, особенно хозяйка, молоденькая двадцатилѣтняя дамочка. Петръ Михайлычъ, такъ звали Лыжина, часто возвращался изъ семейства В....хъ, передавалъ мнѣ свои маленькіе секреты, и между прочимъ сказалъ однажды, что онъ замѣтилъ въ хозяйкѣ что-то особенное, какъ-будто она ухаживаетъ за нимъ. Признаюсь, любовь къ замужней женщинѣ всегда пугала меня; при одномъ представленіи подобной интриги, предо мной являлись страшныя картины, въ которыхъ на первомъ планѣ стояли кровавая катастрофа. Спустя нѣсколько времени, когда Лыжинъ открылся мнѣ, что онъ влюбленъ въ В....ну, и что она отвѣчаетъ также страстно на любовь его, у меня сердце перевернулось и я сталъ предостерегать товарища. Но, увы, мои аргументы оказались безсильными: страсть уже успѣла охватить своимъ адскимъ пламенемъ сердце неопытнаго юноши. Полюби онъ незамужнюю женщину, я бы, кажется, еще сталъ разжигать и содѣйствовать его любви, но дама, имѣющая мужа! это мнѣ казалось чѣмъ-то ужаснымъ. Время шло день за днемъ; срокъ, нашего отпуска кончился, намъ надо было возвращаться въ роту, но Петръ Михайлычъ все упрашивалъ меня еще помедлить; мы числились въ одной ротѣ и хотѣли ѣхать вмѣстѣ. Откладывая день за днемъ, мы прожили двѣ недѣли сверхъ даннаго намъ отпуска. Лыжинъ каждый вечеръ ѣздилъ къ В....мъ и возвращался всегда поздно ночью. Я, однако, началъ замѣчать, что Петръ Михайлычъ сталъ со мною какъ-будто менѣе откровененъ насчетъ своихъ сердечныхъ дѣлъ. Наконецъ, надо же было ѣхать въ роту, и мы назначили день отъѣзда. Наканунѣ отъѣзда, въ моей квартирѣ, собралось, по обыкновенію, нѣсколько веселыхъ товарищей. Пили чай. Послѣ чая, вся компанія предложила кататься, и сдѣлать по дорогѣ кое-кому прощальные визиты. Къ удивленію моему я замѣтилъ, что Лыжинъ сидѣлъ за столомъ въ другой комнатѣ и что-то писалъ. «Что за притча!—подумалъ я,—ужь не стихи ли сочиняетъ влюбленный Адонисъ своей возлюбленной на прощенье». Я тихонько подошелъ сзади и вдругъ остолбенѣлъ: изъ глазъ Петра Михайлыча капали слезы и капли за каплей падали на исписанный листъ почтовой бумаги. Лицо Лыжина было такъ блѣдно и грустно, что сердце у меня сжалось и я самъ едва не заплакалъ. «Что съ тобою, Пьеръ?—спросилъ я, опустившись на стулъ и не сводя глазъ съ лица друга». «Такъ что-то грустно,»—отвѣтилъ онъ и сталъ запечатывать письмо въ конвертъ. «Да скажи, ради Бога, не случилось-ли чего? не получилъ-ли ты изъ дома какого-нибудь печальнаго извѣстія?»—настаивалъ я, а самому такъ и хотѣлось зарыдать, но я крѣпился. Лыжинъ запечаталъ письмо, надписалъ адресъ и, отдавая мнѣ, сказалъ: «Пожалуйста, завтра отправь письмо на почту, можетъ-быть, я самъ буду не въ состояніи». «Но что съ тобой! скажешь ли ты мнѣ!?»—вскричалъ я, вскочивъ со стула, потерявъ терпѣніе. «Совершенно ничего!»—отвѣтилъ Лыжинъ. «Какъ ничего?! ты точно изъ смерти приговоренъ!?»—продолжалъ я. «Такъ, мнѣ что-то грустно... Послушай меня, добрый другъ,—началъ онъ измѣнившимся голосомъ,—мнѣ кажется, что я говорю съ тобой въ послѣдній разъ, а потому прошу тебя объ одной услугѣ. .» «Нѣтъ, это изъ рукъ вонъ!—вскричалъ я внѣ себя,—ты или съ ума рехнулся, или ты меня мучить собрался, или наконецъ тебя зельемъ опоили!?» «Ни то, ни другое, ни третье,—перебилъ меня Петръ Михайлычъ,—и чтобъ доказать тебѣ, какъ много я люблю тебя, то скажу прямо: что въ душѣ моей непонятная тоска, какое то страшное предчувствіе. Все мнѣ кажется, что я вижусь съ тобой въ послѣдній разъ. Даже окружающіе меня неодушевленные предметы какъ-будто покрыты какимъ-то мрачнымъ туманнымъ покровомъ». «Можетъ-быть, все это игра разстроеннаго воображенія, припадокъ меланхоліи, любезный другъ?»—проговорилъ я, стараясь придать словамъ моимъ веселый тонъ, хотя внутренно сознавалъ, что и самъ вѣрю предчувствію Лыжина. «Можетъ быть и—такъ сказалъ онъ вдругъ, вставъ со стула и стараясь принять беззаботно-веселый видъ; но это ему не удалось, и я очень хорошо видѣлъ, что онъ хочетъ обмануть меня и успокоить. «Въ чемъ твоя просьба, Пьеръ?»—спросилъ я, продолжая наблюдать за другомъ. «А, вотъ, дня черезъ три, въ случаѣ если меня не будетъ, то потрудись переслать всѣ мои вещи, исключая платья, къ матушкѣ по адресу. Вотъ тебѣ конвертъ,—и онъ вынулъ изъ кармана запечатанный довольно толстый пакетъ,—тутъ,—продолжалъ онъ,—ты найдешь адресъ моей матери и

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ СРАЖЕНІЯ ПРИ СЕЛѢ ЧЕТАТИ, 25-го ДЕКАБРЯ 1853 Г.: ПРАПОРЩИКЪ КУДРЯВЦЕВЪ И РЯДОВЫЕ КУЦА И ЕЖЪ, ВОРВАВШІЕСЯ ВЪ ЦЕРКОВЬ И ЗАСТАВЪ ТАМЪ НѢСКОЛЬКО ТУРОКЪ, КОТОРЫЕ, УБИВЪ СВЯЩЕННИКА, СРЫВАЛИ СЪ ОБРАЗОВЪ УКРАШЕНІЯ, БРОСАЮТСЯ НА НИХЪ И КАЛАУЗЪ ВСѢХЪ НА МѢСТѢ.

нѣкоторыя письма, только, пожалуйста, распечатай его не раньше какъ завтра вечеромъ, въ это самое время. Ну, теперь я поѣду къ Настѣ, но на всякій случай, прощусь съ тобой!» «Чортъ возьми,—сказалъ я,—да что тебя такъ тянетъ къ твоей возлюбленной? ты посмотри на себя,—вѣдь нездоровъ, ей Богу, нездоровъ! Будь другомъ, останься сегодняшній вечеръ дома, или лучше поѣдемъ кататься съ нами, вонъ, наша братія дожидается, и лошади у крыльца. Пожертвуй хоть одинъ вечеръ для меня!» «Любезный другъ, грустно отвѣтилъ Лыжинъ,—я готовъ пожертвовать тебѣ всѣмъ, чѣмъ угодно, но не честью». «Что это значитъ, я рѣшительно ничего не понимаю!»—проговорилъ я, съ удивленіемъ уставивъ глаза на Лыжина. «Очень просто,—я далъ честное слово быть нынѣче на свиданіи, и проститься съ той, которая меня много любила, готова была всѣмъ жертвовать и всѣмъ пожертвовала». «А, это другое дѣло!» сказалъ я, стараясь придать моему восклицанію тонъ холодности, но сердце мое билось отъ грусти, и я невольно обнялъ Лыжина и заплакалъ. «Прощай, другъ мой!—сказалъ онъ сквозь слезы,—вѣдь еще мы увидимся, а ты какъ-будто провожаешь меня, Богъ знаетъ, куда. Еще покутимъ, братъ, покутимъ!» и онъ силился засмѣяться, но голосъ измѣнялъ ему, и, вмѣсто смѣха, слышалось рыданіе. Однако-жъ, Пьеръ вдругъ вырвался отъ меня, набросилъ шинель, надѣлъ фуражку, и прежде, чѣмъ я успѣлъ опомниться, онъ ускользнулъ изъ комнаты, и тотчасъ уѣхалъ. Я былъ разстроенъ и хотѣлъ остаться дома, но товарищи уговорили ѣхать, и я поѣхалъ. Катанье меня немного разсѣяло. Домой возвратился я во второмъ часу ночи, и тотчасъ спросилъ моего деньщика, не пріѣзжалъ-ли кто отъ Лыжина. Деньщикъ отвѣчалъ отрицательно, и тутъ тоска опять овладѣла мной. Сонъ бѣжалъ отъ глазъ, и, чтобъ какъ-нибудь разсѣяться и убить время, я сталъ раскладывать пасьянсъ. Не правда-ли, господа, что можетъ быть смѣшнѣе, какъ гаданіе въ карты? однако, я гадалъ и вѣрилъ гаданью, и даже теперь, признаюсь, вѣрю иногда раскладкѣ картъ. Пасьянсъ мой не сошелъ; я разложилъ во второй разъ—тоже самое—неудачно; разложилъ въ третій; сначала шло хорошо, потомъ вдругъ, заколодило, и я съ досады бросилъ карты подъ столъ. Вдругъ мнѣ послышалось, точно сзади меня кто вздохнулъ, и на меня, какъ-будто, пахнуло холодомъ. Я вскочилъ и осмотрѣлся,—нѣтъ никого. Я посмотрѣлъ на постель Лыжина: она была пуста и не измята; мнѣ стало отъ чего-то страшно; мнѣ чудилось, что на постели Пьера кто-то лежалъ и дышалъ тяжело. Конечно, все это могло быть дѣйствіемъ моего разстроеннаго воображенія и печальныхъ мыслей, а можетъ-быть, то было что-нибудь дѣйствительно существенное, хотя не принадлежавшее здѣшнему міру. Я зажегъ лампаду передъ образомъ и помолился; молитва успокоила меня и сонъ сталъ смыкать глаза. Не успѣлъ я лечь въ постель, какъ уснулъ, или, лучше сказать, погрузился въ тяжелое забытье,—полусонъ, полудремоту, потому что долгое время все еще передо мною мелькали неясные очерки предметовъ и видѣлся дрожащій слабый свѣтъ лампады. Утромъ громкій шумъ разбудилъ меня, и я вскочилъ съ постели такъ скоро, какъ никогда со мной не бывало; точно звалъ меня какой-то грозный повелительный голосъ. Едва протеръ я глаза, какъ страшное зрѣлище поразило меня. Въ комнатѣ моей, вокругъ постели Лыжина, стояло нѣсколько офицеровъ, и между ними докторъ. Я подошелъ, взглянулъ и волосы мои стали дыбомъ: Лыжинъ лежалъ мертвый и окровавленный на своей постели. Докторъ осматривалъ трупъ, и дѣлалъ какія-то замѣчанія, которыхъ я не понялъ, да тогда и я ничего не въ состояніи былъ понять, такъ сильно потрясла меня смерть товарища и друга. Не знаю, что дѣлали собравшіеся въ моей квартирѣ офицеры и полицейскіе чиновники, потому что я наскоро одѣлся и выбѣжалъ на улицу. Почти до самаго вечера бродилъ я по городу, безъ всякой цѣли; заходилъ въ трактиры, въ кондитерскіе, но ничего не ѣлъ и ничѣмъ не могъ развлечься. Въ головѣ у меня бродилъ туманъ, точно послѣ сильнаго опьяненія, въ сердцѣ была какая-то пустота и тупая боль; однимъ словомъ, я былъ, кажется, близокъ къ помѣшательству. Но молодая и сильная комплекція выдержала внезапный напоръ душевныхъ страданій, и къ вечеру вернулся я на квартиру съ сознаніемъ печальнаго долга, который слѣдовало воздать погибшему другу и товарищу. Тѣло Лыжина, обмытое, лежало уже на столѣ, у поставленнаго налой дьячекъ читалъ псалтырь, прерывая свое чтеніе, время отъ времени, сильными понюшками табаку. Вскорѣ пришелъ ко мнѣ Ш., одинъ изъ веселыхъ моихъ товарищей и разсказалъ въ коротких словахъ про смерть Лыжина. Петра Михайлыча нашли мертвымъ въ номерѣ гостиницы, который онъ нанималъ на ночь, и куда, по отобраннымъ показаніямъ, къ нему пріѣзжала какая то дама подъ вуалемъ; въ ночь-же, когда онъ былъ убитъ, въ номеръ, вскорѣ по пріѣздѣ дамы, вошелъ еще какой-то мужчина и побывъ тамъ съ полчаса, вышелъ подъ руку съ дамой и тотчасъ уѣхалъ. Утромъ коридорный хотѣлъ войти въ номеръ, но дверь была заперта; слуга пошелъ было назадъ, полагая, что постоялецъ спитъ, но на дверномъ замкѣ вниманіе его привлекъ кусокъ шелковой шали, смоченный свѣжей кровью. Испуганный коридорный позвалъ хозяина. Дверь отперли вторымъ ключемъ; вошли въ комнату, и нашли Лыжина сидѣвшаго въ креслахъ съ перерѣзаннымъ горломъ. Объявили полиціи, а тѣло убитаго привезли на квартиру, куда рано утромъ и приглашенъ былъ частный медикъ для освидѣтельствованія. Все объяснилось очень просто. Это происшествіе, хотя и казалось ужаснымъ, но все-таки не заключало въ себѣ ничего сверхъестественнаго, особенно потрясающаго, или наводящаго на размышленія. Убитъ человѣкъ! — убійства случаются не такъ

ВИДЪ СЕВАСТОПОЛЯ 27-го ОКТЯБРЯ 1854 ГОДА.

еще рѣдко, чтобъ могли казаться чудесами, или событіями, имѣющими для другихъ какое-либо особенно-важное значеніе. Такъ все казалось для посторонныхъ, но для меня, вмѣстѣ съ невозвратимой потерей любимаго друга, соединялось еще много необъяснимаго, что, потрясая душу до глубины чувствомъ священнаго ужаса, оставляетъ на долго послѣ себя неизгладимый слѣдъ воспоминаній... Исторія кончена, господа, предоставляю каждому взглянуть на нее съ своей точки зрѣнія и рѣшить, до какой степени она истинна; но все, что я вамъ разсказалъ, дѣйствительно случилось, и я былъ очевидцемъ, въ этомъ ручаюсь честнымъ моимъ словомъ. Да, я и забылъ было представить вамъ еще доказательство дѣйствительности разсказаннаго мною случая,—письмо моего покойнаго друга, которое ношу всегда съ собой.

Турбановъ вынулъ изъ бумажника исписанный листъ почтовой бумаги, на которомъ мѣстами виднѣлись пожелтѣвшія пятна, какія образуются отъ капель ѣдкой или соленой жидкости.

— Содержаніе письма не важно, но важенъ фактъ,—прибавилъ капитанъ, и, развернувъ письмо, прочелъ слѣдующее:

ВЫѢЗДЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II-го 29-го ОКТЯБРЯ 185[illegible] ГОДА, ВЪ СОПРОВОЖДЕНІИ ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА КНЯЗЯ М. Д. ГОРЧАКОВА ИЗЪ БАХЧИСАРАЯ ВЪ СЕВАСТОПОЛЬ.

«Любезный другъ, Иванъ Васильичъ! Когда ты будешь читать это письмо, другъ твой уже не существуетъ болѣе. Я тебѣ сегодня говорилъ о предчувствіи, и ты конечно мнѣ не повѣрилъ, и это нисколько не удивительно, потому что явленія духа непостижимы для человѣческаго ума и принимаются только вѣрой. Но, ахъ! какъ трудно вѣрить тому, что никакъ не можетъ вмѣститься въ нашей головѣ, и что явно противорѣчитъ всему житейскому и матеріальному, а мы, право, живемъ больше матеріальною жизнію. Когда-же ты прочтешь мое письмо, то повѣришь, что мои предчувствія не были ни игрой воображенія, ни приведомъ внезапной меланхоліи, но были чѣмъ-то посланнымъ свыше. Ты, можетъ быть, спросишь самъ себя: «да зачѣмъ-же онъ поѣхалъ на свиданье, когда предчувствовалъ ожидавшую его гибель?» Я тебѣ на это тоже не могу дать яснаго отвѣта, скажу только, что меня влекла какая-то непостижимая сила, которой я не могъ противиться. Уношу съ собой въ безвѣстный міръ чувство искренней дружбы и любви къ тебѣ, и надѣюсь, что ты будешь вспоминать меня долго, даже до послѣднихъ дней твоей старости. Теперь я въ той таинственной странѣ, гдѣ многое, что было на землѣ непонятнымъ, становится яснымъ, и я вѣрую, что тамъ есть существо, вѣчно-сущее, всемогущее и святое; надѣюсь, что тамъ будетъ праведное воздаяніе по нашимъ дѣламъ. Прощай, да будетъ надъ тобой духъ вѣчнаго существа и да хранитъ тебя отъ всего злого въ мірѣ!»

Турбановъ окончилъ письмо, свернулъ его и спряталъ въ бумажникъ. Слушавшіе погружены были въ какое-то тягостное раздумье и молчали. Вдругъ за стѣной раздался трескъ и грохотъ и весь казематъ наполнился дымомъ; собесѣдники вскочили, но сильный ударъ отъ разрыва бомбы заставилъ многихъ опять машинально опуститься на скамейки.

— Это конгревова ракета, господа,—сказалъ поручикъ съ раненной рукой.— Я сейчасъ по противному грохоту узналъ, какой снарядъ пожаловалъ къ намъ въ гости.

— И ракета съ гранатой; ее разорвало, вотъ, за этой стѣной, гдѣ лавки,—сказалъ кто-то изъ офицеровъ.

— Пойдемте, господа, посмотрѣть, что она тамъ надѣлала, я слышу суматоху и возню за стѣной.

Всѣ пошли и, повернувъ въ коридоръ, вошли въ лавки. Первое, что бросилось въ глаза вошедшимъ, были куски матерій, посуда и разныя галантерейныя вещи, разбросанныя по полу въ страшномъ безпорядкѣ. Потомъ встрѣтилось двое матросовъ, выносившихъ купца, которому ракетой оторвало ногу. Далѣе, разбитые разрывомъ страшнаго снаряда прилавки и шкафы, обратившіеся въ кучу щепокъ, а надъ всѣмъ этимъ, подобно густому туману, волновались волны удушливаго порохового дыма.

Страшно гремѣла канонада надъ Севастополемъ. Перекатные залпы батарей и туча лопавшихся бомбъ и гранатъ потрясали воздухъ и землю, а море стонало, отражая эхо выстрѣловъ. День склонялся къ вечеру, а пальба не уменьшалась. Турбановъ и Вингрецкій вышли изъ Николаевской батареи и пройдя площадь, вошли въ одну изъ улицъ, поднимавшуюся въ гору. Справа, слѣва, надъ головами, гулъ и трескъ. Они проходили мимо небольшого домика, уцѣлѣвшаго отъ разрушенія. Около воротъ стояла толпа солдатъ—это были ефрейторы, пришедшіе за приказаніемъ, а въ маленькомъ домикѣ помѣщалась канцелярія С....го полка. На встрѣчу Турбанову и Вингрецкому показались носилки. Два солдата въ амуниціи съ ружьями, несли съ бастіона раненнаго, покрытаго солдатской шинелью. Турбановъ и Вингрецкій посторонились, съ носилокъ капала свѣжая кровь, и на каменной мостовой образовывались, мало-по-малу, большія, темно-красныя пятна.

— Кого ранило, братцы?—спросилъ Турбановъ, обращаясь къ одному изъ несшихъ носилки.

— Юнкера Савелку, ваше благородіе!

— Легко ранило?—спросилъ Вингрецкій.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе; чиненка угодила въ грудь, насилу собрали тѣло.

Носилки прошли. Вскорѣ за ними показались другія; минуту спустя, третьи, и такъ мелькали носилки за носилками, спускаясь, внизъ по улицѣ, къ главному перевязочному пункту. Лилась и смачивала каменную пыль улицъ кровь храбрыхъ русскихъ воиновъ... Много пронесено тѣлъ съ роковыхъ бастіоновъ, и страшно было взглянуть на эти жертвы, не имѣвшія уже человѣческаго вида: такъ огромные артилерійскіе снаряды можжили и ломали въ куски человѣческое тѣло! Легко раненныхъ было мало.

— До свиданья, Иванъ Васильичъ! — проговорилъ Вингрецкій.

— Куда-же вы, Яковъ Николаичъ?—спросилъ Турбановъ.

— Зайду въ одно мѣсто, кое-что нужно приготовить; распорядиться насчетъ лошадей и вещей, а тамъ—и на бастіонъ. Нынче ночью, кажется, будетъ жарко у насъ на правомъ фасѣ.

— Коли пойдутъ на штурмъ, то всѣмъ фасамъ достанется. Какъ окончите дѣло, приходите скорѣй на бастіонъ, прямо ко мнѣ, въ блиндажъ. (*) Будемъ пить чай, все какъ-то веселѣе будетъ вмѣстѣ.

Турбановъ, сказавъ это, посмотрѣлъ въ слѣдъ уходившему Вингрецкому, который повернулъ въ ближній переулокъ и скрылся за развалинами разрушеннаго зданія.

26-е мая прошло; штурма не было. Прошла ночь; наступило утро; солнце поднималось надъ моремъ изъ тумана; надъ городомъ сверкало ясное небо. Тихо на бастіонахъ; ни одинъ пушечный выстрѣлъ не раздается въ свѣжемъ воздухѣ; послѣ пѣлыхъ сутокъ грома и бури, все отдыхаетъ. Кой-гдѣ только, съ непріятельскихъ траншей, покажется синій дымокъ, и просвиститъ надъ бастіономъ коническая штуцерная пуля, но на подобныя мелочи наши

общій видъ Севастополя въ 1855-мъ году

солдаты, во время осады, и вниманья не обращали.

Въ блиндажѣ, на сплетенной изъ хвороста постели, сидѣли Турбановъ и Вингрецкій. Передъ ними, на деревянномъ обрубкѣ, кипѣлъ маленькій походный самоварчикъ, а на деревянномъ кружкѣ, замѣнявшемъ подносъ, стояло два стакана безъ блюдечекъ, на жестяныхъ поддонникахъ. Капитанъ былъ задумчивъ, и прихлебывая изъ стакана, разсѣянно посматривалъ въ растворенную дверь блиндажа, отвуда можно было видѣть кучку солдатъ, сидѣвшихъ на землѣ, около составленныхъ въ козлы ружей. Вингрецкій казался веселѣе вчерашняго, но веселость его имѣла какой-то особенный, несвободный характеръ.

— Славный день будетъ сегодня, - Иванъ Васильичъ, заговорилъ Вингрецкій, бросивъ на землю окурокъ папироски.

(*) Блиндажами назывались земляники на бастіонахъ и другихъ мѣстахъ, гдѣ падали навѣсные артилерійскіе снаряды; эти земляники сверху покрывались бревнами, а сверхъ бревенчатой крыши толстымъ слоемъ насыпалась земля,—этимъ блиндажы отличались отъ баракновъ, у которыхъ крыша была тонкая, потому что она строилась внѣ непріятельскихъ выстрѣловъ при позиціи.

ДОМЪ ВЪ СѢВЕРНОЙ СТОРОНѢ СЕВАСТОПОЛЯ, ГДѢ ЖИЛИ ВЪ 1855-ОМЪ ГОДУ ВЕЛИКІЕ КНЯЗЬЯ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ И МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ, СЛѢВА—БАТАРЕЯ № 4.

ПАВЛОВСКІЙ ФОРТЪ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

— Послѣ вчерашняго погрому, самая дурная погода покажется хорошей,—отвѣтилъ Турбановъ.

— Я думаю съѣздить нынче на сѣверную, къ квартермистру, онъ приглашалъ меня запиской на завтракъ.

— Поѣзжайте съ Богомъ!

— А вы? не поѣдете?

— Я думаю цѣлый день пробыть на бастіонѣ съ моей ротой, мнѣ надо осмотрѣть людей, и узнать повѣрнѣе о числѣ раненныхъ, выбывшихъ прошедшей ночью изъ строя.

— Знаете, что мнѣ пришло въ голову, капитанъ?—спросилъ Вингрецкій, какъ-будто пораженный внезапной мыслью.

— Можетъ-быть сдѣлать какую-нибудь шалость?—сказалъ Турбановъ, съ улыбкой взглянувъ на подпоручика.

— Не угадали. Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ меня ранили, однакожъ не очень тяжело. Я бы поѣхалъ въ отпускъ къ своимъ, хочется повидаться съ близкими, посмотрѣть на мѣста, гдѣ прошло мое дѣтство.

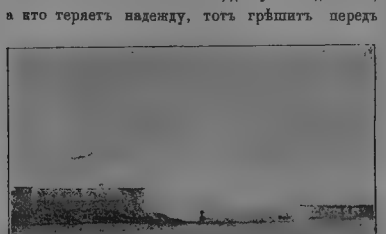
— Кому-бы не хотѣлось побывать на родинѣ; подобныя желанья самыя лучшія и безвредныя, кажется, изъ всѣхъ желаній человѣческихъ; но зачѣмъ-же вамъ хочется непремѣнно быть раненнымъ, не лучше-ли, когда по окончаніи кампаніи вы пріѣдете къ вашимъ родителямъ совершенно здоровымъ, но уже окуреннымъ порохомъ, воиномъ. Да, вдобавокъ, еще съ крестомъ на груди? а? какъ вы думаете объ этомъ, Яковъ Николаевичъ?

— Все это хорошо на словахъ, но возможно-ли въ дѣйствительности, Богъ знаетъ.

— Чтожъ тутъ невозможнаго, все очень обыкновенно и естественно, и со многими случается въ жизни.

— Да, случается, и случится можетъ-быть со многими, но только не со мной, добрый мой другъ Иванъ Васильевичъ.—Вингрецкій вздохнулъ и задумался.

— Пока человѣкъ живетъ, долженъ надѣяться, а кто теряетъ надежду, тотъ грѣшитъ передъ



НИКОЛАЕВСКІЙ И КОНСТАНТИНОВСКІЙ ФОРТЫ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

Богомъ — такъ-то, любезнѣйшій Яковъ Николаичъ.

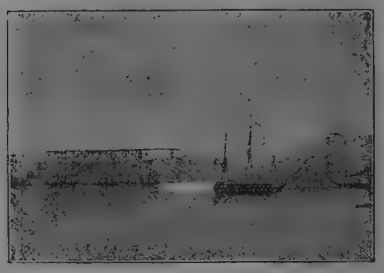
— Пойду, кажется, ужъ солнце поднялось высоко.

— Погоди немного, выпей еще стаканъ чаю—проговорилъ Турбановъ, удерживая Вингрецкаго.

— Нѣтъ, пора!— Вингрецкій поднялся по лѣсенкѣ въ три ступени, ведущей на площадку бастіона.

Турбановъ всталъ, надѣлъ фуражку, и хотѣлъ тоже идти, какъ глухой шумъ надъ блиндажемъ заставилъ его остановиться. Прошло мгновенье, и раздался трескъ, вдали грохнулъ выстрѣлъ. Глыбы земли съ шумомъ покатились въ блиндажъ по лѣстницѣ, а за ними вслѣдъ скатилась какая-то безобразная масса и упала прямо подъ ноги капитану. На площадкѣ раздались голоса и нѣсколько солдатъ кричало: ребята! подпоручика убило. Турбановъ наклонился и разсмотрѣлъ обезображенный трупъ; только по рукѣ съ кольцомъ, да по золотой часовой цѣпочкѣ могъ онъ узнать несчастнаго Вингрецкаго. Молча, смотрѣлъ капитанъ на бездыханное, окровавленное тѣло молодого человѣка, который за минуту передъ тѣмъ былъ полонъ жизни, силъ и надежды. Изъ глазъ капитана не выкатилось ни одной слезы, только на пасмурномъ лицѣ стараго воина глубокая душевная тоска провела нѣсколько лишнихъ морщинъ. Молча, снялъ онъ съ постели своей шинель и разостлалъ ее на полу; потомъ положилъ на нее трупъ убитаго подпоручика, завернулъ и перенесъ на свою кровать. Окончивъ, повидимому, спокойно это печальное занятіе, Турбановъ сѣлъ на маленькую скамейку и подперши голову обѣими руками, погрузился въ какое-то страшное забытье.

Фельдфебель роты, которою командовалъ Турбановъ, давно стоялъ у дверей блиндажа, и нѣсколько разъ принимался рапортовать о смерти подпоручика; но видя, что капитанъ молчитъ, думалъ, что надо подождать, вѣроятно, дескать, ротный чѣмъ-нибудь занятъ. Наконецъ, видя, что капитанъ все сидитъ безъ движенія, однакожъ не спитъ, фельдфебель воз-



МОРСКАЯ КАЗАРМА ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

СѢВЕРНОЕ УКРѢПЛЕНІЕ, СЛОБОДКА, РАЗРУШЕННАЯ ПРИ БОМБАРДИРОВАНІЯ 5-ГО ОКТЯБРЯ 1854 ГОДА И ДОМЪ, ЗАНЯТЫЙ ВЪ 1855 ГОДУ ВЕЛИКИМИ КНЯЗЬЯМИ И ИХЪ СВИТОЮ.

высилъ голосъ громче обыкновеннаго и началъ свой рапортъ.

— А, это ты, Максимъ?—прогоборилъ вдругъ Турбановъ, какъ бы очнувшись отъ крѣпкаго сна.—Ну, что у насъ? не идутъ-ли на приступъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, въ ротѣ все обстоитъ благополучно, но его благородіе, подпоручика Вингрецкаго убило гранатой, о чемъ вашему благородію донести честь имѣю.

Все это фельдфебель проговорилъ громко и скороговоркой по солдатскому обыкновенію: отрапортовалъ, какъ отрубилъ.

— Да, вспомнилъ. Какъ-же убило подпоручика? кажется, нынѣшнее утро совсѣмъ не слыхать выстрѣловъ?

— Оно и точно, ваше благородіе, выстрѣловъ не слыхать цѣлое утро, и откуда взялась эта шальная и глупая граната, что убила подпоручика, мы и сами всѣ дивимся.

— Какъ же это было, разскажи подробно?

— Да вотъ, ваше благородіе, примѣромъ такъ сказать, сидятъ наши солдатики на землѣ, да на солнышкѣ грѣются; я себѣ сидѣлъ около трики, съ канониромъ калякалъ. Вотъ, зусиомъ случаѣ. Турбановъ слушалъ разсказъ фельдфебеля съ наружнымъ спокойствіемъ, но въ душѣ его накипѣло много горькаго и печальнаго. Онъ отдалъ приказаніе фельдфебелю тотчасъ нарядить людей съ носилками, для относа тѣла покойнаго Вингрецкаго, сначала на перевязочный пунктъ, а потомъ перевезти на сѣверную сторону для погребенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ капитанъ написалъ карандашемъ короткую записку полковому казначею и просилъ его не дѣлать никакихъ распоряженій къ похоронамъ покойнаго поручика, пока онъ самъ не пріѣдетъ на сѣверную. Фельдфебель ушелъ. Чрезъ нѣсколько минутъ пришли солдаты съ носилками и унесли убитаго. Турбановъ остался одинъ въ блиндажѣ. Почти до вечера сидѣлъ онъ со своими печальными думами. Мысль, что судьба такъ часто отнимала у него близкихъ и милыхъ особъ, была тяжела доброй и любящей душѣ капитана. Когда солнце низко спустилось къ горизонту, и съ моря подулъ прохладный вечерній вѣтеръ, капитанъ невольно отеръ выкатившуюся изъ глазъ слезу и вышелъ изъ своего блиндажа. Кое-гдѣ попаливали

ПОХОРОНЫ ОДНОГО ИЗЪ СКРОМНЫХЪ ГЕРОЕВЪ» СЕВАСТОПОЛЯ, НА КЛАДБИЩѢ НА ВЫСОТАХЪ СѢВЕРНОЙ СТОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ, ВЪ 1855-МЪ ГОДУ.

и говорю я канониру: «видно, братъ, нынче французы и англичане привалъ сдѣлали, на солнцѣ животики грѣютъ, ни одной чиненки не пустила». «Пусть они отдыхаютъ, сердечные,— отвѣчалъ онъ мнѣ,—коли они вѣжливы съ нами, такъ и мы имъ пардонъ дадимъ, а какъ захорохорятся опять, ну, и мы не ударимъ лицомъ въ грязь, — тогда ужь пардону, мусье, не проси!» Только-что старикъ проговорилъ это, какъ тутъ надъ нами точно что шваркнуло, глядь, оторвало полщеки отъ амбразуры, да около вашего блиндажа и трескнуло. Я вскочилъ на ноги и бросился къ вашему блиндажу; думаю, ну, какъ проклятая чиненка да землей засыплетъ, а либо, что еще хуже, къ капитану осколокъ влетитъ — подбѣгаю, а солдатики стоятъ у входа вашего барака, да черепки разглядываютъ. «Что, моль, случилось ребята?—гаркнулъ я во все горло. «Подпоручика Вингрецкаго гранатой убило», — отвѣтили солдатики. «Гдѣ-жъ, говорю, тѣло-то?» Да въ блиндажъ къ ротному сбросило». Ну, думаю, видно славно угадала, шельмовская, — и тотчасъ вошелъ отрапортовать вашему благородію о такомъ казусномъ случаѣ. Турбановъ слушалъ разсказъ фельдфебеля съ наружнымъ спокойствіемъ, но въ душѣ его накипѣло много горькаго и печальнаго. Онъ отдалъ приказаніе фельдфебелю тотчасъ нарядить людей съ носилками, для относа тѣла покойнаго Вингрецкаго, сначала на перевязочный пунктъ, а потомъ перевезти на сѣверную сторону для погребенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ капитанъ написалъ карандашемъ короткую записку полковому казначею и просилъ его не дѣлать никакихъ распоряженій къ похоронамъ покойнаго поручика, пока онъ самъ не пріѣдетъ на сѣверную. Фельдфебель ушелъ. Чрезъ нѣсколько минутъ пришли солдаты съ носилками и унесли убитаго. Турбановъ остался одинъ въ блиндажѣ. Почти до вечера сидѣлъ онъ со своими печальными думами. Мысль, что судьба такъ часто отнимала у него близкихъ и милыхъ особъ, была тяжела доброй и любящей душѣ капитана. Когда солнце низко спустилось къ горизонту, и съ моря подулъ прохладный вечерній вѣтеръ, капитанъ невольно отеръ выкатившуюся изъ глазъ слезу и вышелъ изъ своего блиндажа. Кое-гдѣ попаливали изъ пушекъ, а надъ Малаховымъ курганомъ поднимались и спускались изрѣдка бомбы, однако же все было очень обыкновенно, и казалось, что ночью не будетъ сильной бомбандировки. Рота Турбанова смѣнилась съ бастіона, повелѣно было часть людей оставить для работъ въ траншеяхъ. Турбановъ, отсчитавъ людей и назначивъ офицера, пошелъ съ бастіона въ городъ, Въ грустномъ расположеніи духа, задумавшись, шелъ Турбановъ по театральной площади. Вдругъ непріятный голосъ вывелъ капитана изъ задумчивости, онъ взглянулъ, передъ нимъ шагахъ въ двухъ впереди шелъ маіоръ Вишвицкій.

— Куда вы, капитанъ? не въ городъ ли? — спросилъ маіоръ, приподнимая фуражку въ отвѣтъ на сухой поклонъ капитана Турбанова.

— Въ городъ, маіоръ.

— Нельзя, вамъ надо быть сегодня на бастіонѣ съ командой рабочихъ.

— Команда назначена мной, и при ней поручикъ Ножкинъ.

— Очень хорошо-съ, но я назначаю васъ.

— Извините, маіоръ, мнѣ крайне надо быть на сѣверной сторонѣ, къ тому же командиръ полка прислалъ приказаніе назначить съ рабочими субалтернъ-офицера.

— А я еще разъ повторяю вамъ, господинъ капитанъ, чтобъ вы вернулись на бастіонъ, потому что я назначилъ васъ съ командой.

— Позвольте спросить васъ, маіоръ, кого же мнѣ слушать,—васъ, или полкового командира? —проговорилъ Турбановъ, взглянувъ съ удивленіемъ и вмѣстѣ съ досадой на Вишвицкаго.

— Ближайшаго вашего начальника, господинъ капитанъ.

— Да, если старшій начальникъ не передалъ отъ себя приказанія непосредственно, а приказаніе передано мнѣ лично отъ командира полка.

— Я вамъ приказываю еще разъ, капитанъ, вернуться въ городъ и быть при командѣ людей, назначенныхъ въ траншеи на работу

— Очень хорошо, господинъ маіоръ, но я сейчасъ подамъ рапортъ командиру полка, что вы мнѣ прямо приказываете ослушаться приказанія полковника!

— Это вискольно не удивительно, — прошепѣлъ Вишвицкій,—кляузники всегда готовы на бумажные доносы.

Турбановъ вспыхнулъ, отступилъ шагъ назадъ, и сложивъ на груди руки, грозно смотрѣлъ на маіора.

— Что вы на меня такъ смотрите, точно съѣсть хотите, господинъ ротный командиръ? А не знаете пословицы, кто волъ да несиленъ...

— Тотъ? договаривайте,—прервалъ Турбановъ, а рука его сжала ручку револьвера.

— Полно, полно, Иванъ Васильевичъ!—проговорилъ голосъ сзади Турбанова; капитанъ обернулся, и лицомъ къ лицу столкнулся съ полковымъ адъютантомъ.

— Оставь меня, твои шутки не во время, —заговорилъ взбѣшенный Турбановъ,—я долженъ проучить негодяя.

— Но судьба ужь проучила его. Слушай, Иванъ Васильевичъ,—началъ адъютантъ, почти насильно отводя въ сторону капитана.—Во-первыхъ, ты произведенъ въ маіоры, съ чѣмъ я тебя душевно поздравляю; во-вторыхъ, маіоръ Вишвицкій переведенъ въ другой полкъ; въ-третьихъ, тебѣ велѣно принять баталіонъ отъ этого негодяя.—Послѣднія слова адъютантъ произнесъ вполголоса.

Гнѣвъ Турбанова мгновенно утихъ, но на губахъ его появилась горькая улыбка презрѣнія. Онъ взглянулъ на Вишвицкаго, который стоялъ, какъ пораженный громомъ словами полкового адъютанта, и поднося руку къ козырьку,—сказалъ:

— Имѣю честь покорно просить васъ, господинъ маіоръ, приготовить вашъ баталіонъ для сдачи мнѣ, а теперь до пріятнаго свиданія! Пойдемъ, братъ, со мной,—проговорилъ капитанъ, обращаясь къ адъютанту, —я едва было не замаралъ рукъ своихъ,—хорошо, что ты поспѣлъ во время, а то однимъ дурнымъ человѣкомъ было бы меньше на свѣтѣ.

— Судьба сдѣлаетъ свое дѣло! — отвѣтилъ адъютантъ.

— Будете-ли вы на Сѣверной?

— Буду, только прежде схожу къ полковнику, отнесу для подписи бумаги, потомъ вернусь въ канцелярію, а вечеромъ буду у казначея и квартермистра; и такъ, до свиданья, Иванъ Васильичъ!

— До свиданья! помолитесь за упокой души Вингрецкаго,—онъ велѣлъ долго жить...

— Не стало еще одного добраго товарища, но такова, видно, воля Божія. Я нарочно не хо-

тѣлъ говорить съ вами, добрый Иванъ Васильичъ, объ этой тяжелой потерѣ, зная, какъ вы много любили покойнаго.

— Это не первая потеря въ моей жизни, и думаю—не послѣдняя;однако-жъ, я умѣлъ и сумѣю всегда перенести несчастье съ терпѣніемъ. До свиданья!

— До свиданья!—адъютантъ пошелъ къ оторонѣ бастіона, а Турбановъ въ городъ.

Не успѣлъ еще капитанъ сдѣлать и десяти шаговъ, какъ надъ головой его лопнула бомба; осколокъ, фыркая, пролетѣлъ мимо ушей его, въ то же время страшный болѣзненный вопль раздался позади. Турбановъ остановился. Присматривался, онъ увидѣлъ, что полковой адъютантъ лежалъ на землѣ. Капитанъ тотчасъ бросился къ адъютанту, полагая что его убило, но адъютантъ, охая, приподнялся.

— Васъ ранило, Егоръ Дмитричъ? — спросилъ Турбановъ, подавая одну руку поручику,

Солдаты прошли съ раненнымъ маіоромъ и спустились внизъ подъ гору.

— Этотъ господинъ всегда старался мнѣ дѣлать зло,—сказалъ Турбановъ адъютанту,—но Богъ съ нимъ, онъ жестоко наказанъ; я прощаю ему и готовъ даже помочь бѣдняку.

— Вишвицкій не дальняго ума, и характера самаго взбалмошнаго,—отвѣтилъ адъютантъ, — очень хорошо сдѣлала, что перевели его отъ насъ.

— Теперь вы, конечно, не пойдете къ полковнику?—спросилъ Турбановъ адъютанта.

— Куда! лишь-бы до квартиры добраться, и то развѣ съ вашей помощью.

— Пойдемте, вотъ вамъ моя рука, держитесь за нее.

Турбановъ, поддерживая полкового адъютанта, прошелъ театральную площадь и направился къ полковой канцеляріи. Солнце закатилось, и тѣни вечера начинали ложиться по узкимъ улицамъ

На нижнемъ базарѣ уже никого почти не было; торгующіе убрались въ свои уголки, только кое-гдѣ мелькали солдаты за разными надобностями и, торопливо проходя, посматривали вверхъ, не покажется-ли гдѣ злодѣйка бомба. Но, вотъ, стоитъ кучка солдатъ у навѣса одной запертой лавки,—они о чемъ-то толкуютъ, Турбановъ подошелъ къ кучкѣ и увидѣлъ страшное зрѣлище. На кучѣ хлама, сваленнаго подъ навѣсомъ одной лавки, лежала женщина, не то спящая, не то убитая, только крови не видно, а лицо закрыто платкомъ. Солдаты, увидя маіора, посторонились:

— Что тутъ такое, ребята?—спросилъ Турбановъ у солдатъ.

— Да вотъ, ваше благородіе, шли мы съ бастіона, и видимъ лежитъ баба и спитъ, вотъ, тутъ одна-одинехонька. Мы давай ее будить,—

СЕВАСТОПОЛЬСКІЕ СОЛДАТЫ, УЧАСТНИКИ ВЪ ВЫЛАЗКАХЪ СЪ 3-го ОТДѢЛЕНІЯ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ЛИНІИ СЕВАСТОПОЛЯ, ПОДЪ НАЧАЛЬСТВОМЪ ЛЕЙТЕНАНТА ВИРЮЛЕВА.

а другой обхвативъ его за талію и помогая встать.

— Нѣтъ, кажется, Богъ миловалъ, только немного контузило. А сила-же, чортъ возьми! страшная сила въ этихъ бомбахъ; повѣрите-ли, меня бросило на землю, какъ щепку.

— И слава Богу, что только бросило. Но что-жъ за крикъ раздался позади меня, точно кого-нибудь разорвало въ куски.

Едва проговорилъ Турбановъ эти послѣднія слова, какъ показалось четверо солдатъ съ носилками. На носилкахъ лежалъ кто-то, испуская раздирающіе душу вопли.

— Кого ранило, ребята?—спросилъ маіоръ у солдатъ.

— Маіора Вишвицкаго, ваше благородіе! —отвѣтили въ одинъ голосъ солдаты.

— Несите на перевязочный пунктъ, да смотри, осторожнѣй!

Севастополя, Съ наступленіемъ сумерекъ, чаще и чаще раздавались выстрѣлы. На ясномъ небѣ, то тамъ, то здѣсь, какъ падучія звѣзды, начинали мелькать высоко взлетающія бомбы. Странно видѣть, какъ бомба сначала быстро летитъ вверхъ, потомъ движеніе ея становится тише, тише и, наконецъ, она останавливается, какъ-будто повиснетъ въ ясномъ воздухѣ на мгновенье и снова, еще съ большей быстротой, начинаетъ опускаться къ землѣ, описывая огненную дугу. Но особенно красивъ полетъ конгревовыхъ ракетъ въ ночное время. Смотришь, точно змѣй огненный летитъ въ воздухѣ, испуская особенный, непріятный грохотъ. Разсыпающіяся искры образуютъ длинный огнистый слѣдъ въ воздухѣ, точно пламенный хвостъ дракона, какъ описывается въ сказкахъ.

Турбановъ довелъ полкового адъютанта до его квартиры, а самъ прошелъ на нижній базаръ, чтобъ оттуда вернуться на бастіонъ, не просыпается. Ужъ мы толкали, толкали ее, нѣтъ,—какъ убитая. Просто, ваше благородіе, въ толкъ не возьмешь, что за притча такая. Аль, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ бабу зашибло,—такъ нѣтъ, еще дышитъ, а не ворочается.

Турбановъ подошелъ, приподнялъ платокъ съ лица женщины и отступилъ въ ужасѣ. Лицо женщины обратилось въ сплошную, запекшуюся массу; ни глазъ, ни носа нельзя было различить на этомъ кускѣ поджаренной крови; несмотря на это, несчастная еще дышала, и въ томъ мѣстѣ, откуда вылетало дыханіе, выскакивали время-отъ времени кровавые пузырьки, вѣроятно, вырывавшіеся изъ покрытаго слоемъ запекшейся крови рта. Турбановъ велѣлъ солдатамъ взять этотъ живой трупъ, и отнести къ главному оператору, доктору Гюббенету, который всегда находился на главномъ перевязочномъ пунктѣ, въ зданіи благороднаго собранія. Солдаты взяли женщину, положили на шинель и понесли, но

ѣда только сдѣлали они нѣсколько шаговъ, какъ страшное хрипѣніе и грохотъ раздались въ воздухѣ. Конгревова ракета съ гранатой какъ разъ ударила въ середину шедшихъ солдатъ; граната лопнула и облако дыма покрыло страшную сцену гибели. Турбановъ остался назади и тѣмъ спасся. Когда онъ подошелъ къ мѣсту, гдѣ ударила ракета, тамъ лежало пять изуродованныхъ труповъ, а шестой представлялъ еще дышащую массу. Однаъ только солдатикъ изъ кучки отдѣлался сильной контузіей и, лежа на землѣ, стоналъ. Вскорѣ подошли другіе солдаты, взяли трупы, и, какъ ни въ чемъ не бывало, прошли по тому-же мѣсту, гдѣ за минуту передъ тѣмъ шесть человѣкъ погибло мгновенно. Такъ кровь лилась на кровь, трупы падали на трупы, и живые попирали смертные, еще не остывшіе, останки мертвыхъ!—Таковъ былъ Севастополь во всѣ дни страшной осады.

Турбановъ, утомленный ужасами кроваваго дня, почувствовалъ нужду въ отдыхѣ, и съ горькимъ осадкомъ печали въ душѣ вернулся на бастіонъ.

Въ одинъ изъ тѣхъ свѣтлыхъ іюньскихъ вечеровъ, когда жара дня смѣняется влажной прохладой, когда на траву падаетъ обильная роса, въ Севастополѣ было пыльно и душно. Въ узкихъ улицахъ, которыя пересѣкали въ разныхъ направленіяхъ вершину холма, особенно было непріятно ходить: мостовая неровная, подъемы въ родѣ ступеней, крутые повороты, каменные заборы, во многихъ мѣстахъ уже разрушенные бомбами и ядрами, и засыпавшіе мусоромъ и кирпичемъ улицу. Однимъ словомъ, слѣдовало идти осторожно, чтобъ не споткнуться, а ночью, когда въ узкихъ переулкахъ становится темнѣй, чѣмъ въ мѣстахъ широкихъ и открытыхъ, могли ходить только люди, уже ознакомившіеся съ мѣстностію и тѣ запасались палкой, а иногда, если ночь темна, то и фонаремъ.

На Сѣверной сторонѣ, начиная отъ берега бухты и почти до Бельбекской долины, раскидывались палаши, палатки, балаганы, землянки съ деревянными крышами, всѣ эти временныя, военныя жилища, помѣщались въ лощинахъ, между холмовъ, какъ-бы скрываясь отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Несмотря на это, конгревовы ракеты, семи-пудовыя бомбы, и двухъ, трехъ пудовыя ядра, время отъ времени, залетали и въ этотъ отдаленный отъ непріятельскихъ батарей лагерь. Эти, хотя и рѣдкіе, вѣстники смерти и разрушенія, падая въ кучки людей, или въ тѣсно сомкнутые дощатые балаганы лавокъ, нагоняли порядочную дозу страха на торгующее сословіе, которое, рискуя жизнію изъ-за интереса, неотвязно копошилось около военныхъ бивуковъ, и только въ случаяхъ очевидной и неизбѣжной опасности, переносило свои карточные домики въ мѣста болѣе безопасные.

Штабъ С....го полка былъ ближе всѣхъ къ берегу рейдовой бухты. Между баракама, въ которыхъ жили штабные полковые чиновники, особенно отличался величиной и устройствомъ баракъ полкового казначея. Это была обширная землянка съ двумя отдѣленіями, то-есть, съ двумя комнатами: одна направо, другая налѣво. Одну половину занималъ казначей, другую квартермистръ. Между обѣими половинами устроены были просторныя сѣни съ подваломъ и кухней; за кухонной печью — темный чуланъ, служившій спальней повару съ деньщикомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ складомъ посуды и разнаго скарба, какъ-то: вьючныхъ сѣделъ, сбруи, мѣшковъ, вьюковъ и тому подобныхъ вещей.

Около казначейскаго барака играла музыка; весь оркестръ составляли пять человѣкъ изъ полковой музыкантской роты. И въ казначейской комнатѣ и у квартермистра, собиралось порядочное число офицеровъ. Шумный говоръ вылеталъ изъ обѣихъ дверей въ сѣни, вмѣстѣ съ густыми облаками табачнаго дыма. Въ кухнѣ пылалъ огонь и готовилась вечерняя закуска, то-есть, на сковородѣ жарились котлеты, а въ большой кострюлѣ кипѣлъ соусъ изъ почекъ. Возлѣ печи стоялъ самоваръ и время отъ времени испускалъ заунывные, тонкіе звуки, предвѣщавшіе скорое кипѣніе воды. У квартермистра народонаселеніе было многочисленнѣе, можетъ-быть отъ того, что довольно большой столъ, поставленный посреди̇нѣ подземной залы, покрылся уже зеленымъ сукномъ, и въ разныхъ мѣстахъ на немъ лежали въ красивомъ безпорядкѣ запечатанныя колоды картъ, невольно соблазнявшія испытать счастія въ скорой и смѣлой игрѣ. У казначея сидѣло человѣкъ пять или шесть; тутъ на этотъ разъ игра не затѣвалась, а велись разговоры о разныхъ военныхъ новостяхъ, какъ бивачныхъ, такъ и городскихъ, то-есть Севастопольскихъ.

— Сегодня, господа, поздравимъ Ивана Васильича съ монаршей милостью,—проговорилъ казначей, закрывая книгу, въ которую вписывалъ какіе-то разсчеты.

— У, да и закутимъ-же за здоровье нашего добраго маіора!—сказали въ одинъ голосъ всѣ офицеры, обращаясь къ Турбанову, который сидѣлъ, задумавшись, у стола и, повидимому, избѣгалъ разговора.

— Благодарю васъ, господа, за ваше доброе ко мнѣ расположеніе,—отвѣтилъ маіоръ, привставъ и кланяясь,—но, право, я ничѣмъ особеннымъ не заслужилъ такого вниманія.

— Не скромничайте, господинъ новый батальонный командиръ,—сказалъ казначей, улыбаясь,—кажется, въ настоящее время льстить никто не рѣшится. Но что-жъ вы такъ задумались, Иванъ Васильичъ! ужь не предчувствіе-ли тревожитъ васъ?

— Я имѣю причину задумываться, Павелъ Федорычъ,—проговорилъ Турбановъ,—и, можетъ-быть, вы на моемъ мѣстѣ тоже не были веселы, когда-бы... — Онъ не договорилъ и закрылъ рукой глаза, какъ-будто яркій свѣтъ мѣшалъ его врѣнію.

— Виноватъ, добрый Иванъ Васильичъ, я бы долженъ быть памятливѣй, но въ наше ужасное время, когда каждый день случаются кровавыя катастрофы, по неволѣ сдѣлаешься равнодушнымъ, — впрочемъ, оно, можетъ-быть, и къ лучшему, потому что продолжительное горе томитъ душу, и мнѣ кажется, рѣдко кто-бы выдержалъ ежеминутное ожиданіе смерти, когда-бы временное забвеніе не погружало душу въ родъ какой-то нравственной летаргіи.

— Да, это милосердый законъ Творца, данный намъ, слабымъ людямъ,—проговорилъ Турбановъ, какъ-бы про себя.

— Скажите, Павелъ Федоровичъ,—заговорилъ поручикъ Метлинскій, обращаясь къ казначею,— неужели капитанъ Свѣжаевъ получилъ золотую полусаблю.

— Что-жъ тутъ удивительнаго!—сказалъ казначей съ едва замѣтной улыбкой.

— А то, что такія награды даются за особенные военные подвиги и большею частію штабъ-офицерамъ.

— Можетъ-быть, капитанъ Свѣжаевъ и оказалъ въ глазахъ начальства какой-нибудь геройскій подвигъ,—вотъ его и наградили.

— Знаю я, какъ отличался капитанъ Свѣжаевъ во время послѣдней бомбардировки.

— Отличался, какъ и всѣ: былъ на бастіонѣ, вотъ и все.

— Ну, не совсѣмъ. Правда, до половины дня онъ скрывался въ блиндажѣ, а когда вышелъ изъ своей норы, да пролетѣвшее ядро осыпало его землей, онъ тотчасъ далъ стречка съ бастіона, подъ предлогомъ контузіи. Славная храбрость, нечего сказать!

— Все это можетъ быть, но вѣдь вы не перемѣните приказа,—сказалъ казначей и сталъ заводить часы.

— Приказа и не нужно перемѣнять, а нужно перемѣнить кое-кого въ штабѣ.

— И это всѣ знаютъ и молчатъ, а которые не молчатъ, то, повѣрьте, возвышаютъ свой голосъ даромъ. Еще не настало время разомъ искоренить всѣ злоупотребленія, получившія въ нашей службѣ право гражданства.

— Однако-жъ, надо обличать эти неправды,— сказалъ вдругъ Турбановъ, поднявъ голову и окинулъ всѣхъ спокойнымъ и смѣлымъ взглядомъ.

— Иванъ Васильевичъ! обличать хорошо тому, кто имѣетъ большую силу воли и увѣренъ, что его обличительная проповѣдь принесетъ пользу.

— Вотъ, напримѣръ, хоть-бы у насъ въ полку,—продолжалъ казначей,—начиная съ головы, до насъ грѣшныхъ включительно, развѣ не существуетъ разныхъ мелкихъ упущеній, интригъ, злоупотребленій и всего того, что почти всегда осуждается совѣстью. Но что-жъ станешь дѣлать? Неужели станешь обличать полкового командира въ чемъ-нибудь незаконномъ? попробуйте и увидите, что въ полку служить будетъ нельзя. Хорошо, кто имѣетъ средства къ жизни, или, какъ говорится, семи пядей во лбу,—ну, тотъ, конечно, можетъ себѣ дѣлать, что хочетъ, ему и безъ службы жить можно. А тотъ, для кого служба составляетъ все, и настоящее и будущее въ жизни, кому она кормилица, кто, оставивъ службу, долженъ взять нищенскую суму и питаться подаяніемъ,—тому бѣда потерять службу.

— Въ словахъ вашихъ много горькой правды, —отвѣчалъ Турбановъ,—но все-таки человѣкъ долженъ бороться въ жизни за идею добра и истины, и даже, если нужно, жертвовать своими временными благами, чтобы имѣть оправданіе передъ судомъ совѣсти. Впрочемъ, я не осуждаю никого, я самъ во многомъ ошибался въ жизни, и во многихъ случаяхъ бывалъ слабъ, тогда какъ мнѣ слѣдовало бы по совѣсти быть твердымъ.

— Оставимте философію,—сказалъ казначей, —лучше закусимъ, а тамъ выпьемъ по стакану клико и, можетъ-быть, за стаканомъ вина разсѣются наши мрачныя мысли.

— Что дѣльно, то дѣльно!—проговорили всѣ собесѣдники, исключая маіора, который опять впалъ въ задумчивость.

Деньщики казначея поставили столъ посреди̇нѣ комнаты, накрыли его вмѣсто скатерти клеенкой, поставили тарелки, положили въ одну кучу ножи и вилки, и все это было дѣломъ одной минуты. Подали закуску; началась работа ртомъ, стукъ ножей и вилокъ, звонъ тарелокъ и стакановъ и, наконецъ, вечерняя пирушка заключилась хлопаньемъ пробокъ изъ осмоленныхъ бутылокъ съ шампанскимъ. Изъ половины квартермистра гости тоже перешли на время въ казначейское отдѣленіе, но они, вообще, закусывали наскоро, и опять убѣгали къ своему столу, гдѣ карточный бой былъ въ разгарѣ. Казначей и всѣ офицеры съ стаканами шампанскаго въ рукахъ поздравили Турбанова съ новымъ чиномъ. Послѣ этого начались другіе тосты, часто смѣшные, почти всѣ веселые. Было далеко за полночь, а веселая компанія и не думала расходиться на покой. Турбановъ ушелъ первый; несмотря на упра-

ВСТРѢЧА ГЕНЕРАЛЪ-МАЙОРА А. Е. ТИМАШЕВА СЪ ГЕНЕРАЛОМЪ МАРТЫНОМЪ ДЛЯ ПЕРЕГОВОРОВЪ О ПЕРЕМИРІИ У КАМЕННАГО МОСТА НА ЧЕРНОЙ РѢЧКѢ, ВЪ КРЫМУ, 2-го ЯНВАРЯ 1856 ГОДА.

шиванья, онъ отговорился нездоровьемъ. По уходѣ маіора, всѣ продолжали свои занятія, кто разговаривалъ, кто курилъ, прихлебывая портеръ изъ стакана; большая часть играла въ карты. Самъ же казначей велѣлъ вынести стулья изъ барака на свѣжій воздухъ, и съ нѣсколькими офицерами усѣлся на площадкѣ передъ своимъ временнымъ жилищемъ. Іюньская ночь и здоваюкъ ночь Тавриды была великолѣпна. Что за чудное небо, глубокое и синее, усыпанное міріадами звѣздъ, простиралось надъ Севастополемъ! Въ воздухѣ тишина; изрѣдка дуетъ съ моря влажный вѣтерокъ и освѣжитъ своимъ дыханіемъ теплую атмосферу, которая безъ этой свѣжести показалась бы душной. Среди

— Можетъ-быть, просто нашли нужнымъ перемѣнить позицію

— А знаете, что я вамъ скажу, господа?— проговорилъ поручикъ В., подходя къ бесѣдовавшимъ и садясь на порожній стулъ. Онъ только что вышелъ изъ барака и въ одной рукѣ еще держалъ карту, которую, вѣроятно, приготовилъ къ ставкѣ.

— Вѣрно, что-нибудь насчетъ того? — спросилъ казначей, улыбаясь, и показалъ рукой, какъ-будто мечетъ банкъ.

— Вы все подтрунываете, казнодѣй, а сами себѣ на умѣ, хоть бы рубликъ проиграли на всю братію, что тамъ подвизается во славу нашихъ С.....хъ героевъ.

— Ну, до этого еще не дойдетъ, а потасовка будетъ знатная.

— Что-жъ, на четвертомъ бастіонѣ стоитъ С....й полкъ, а это что-нибудь да значитъ,—добавилъ казначей и самодовольно разгладилъ усы.

— Оно такъ, такъ, а все-бы вамъ не мѣшало съ вашими сундуками подальше отступить отъ бухты,—проговорилъ штабсъ-капитанъ Л.

— Тамъ посмотримъ, что еще будетъ,—проговорилъ казначей съ неудовольствіемъ и замолчалъ.

— Ваше благородіе, полковника ранило на бастіонѣ!—отрапортовалъ подошедшій къ казначею унтеръ-офицеръ.

ПОДВИГЪ ШТАБЪ-ГОРНИСТА ПАВЛОВА ПРИ ОТБИТІИ НЕПРІЯТЕЛЯ ОТЪ СЕЛЕНИНСКАГО РЕДУТА ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ, 12-ГО ФЕВРАЛЯ 1855 Г. ШТАБЪ-ГОРНИСТЪ СЕМЕНЪ ПАВЛОВЪ, УВИДѢВЪ, ЧТО ОФИЦЕРЪ ЗУАВСКІЙ КИНУЛСЯ НА ГЕНЕРАЛА-МАІОРА ХРУЩЕВА, ПОДНЯЛЪ РУЖЬЕ ОТЪ ОДНОГО УБИТАГО, БРОСИЛСЯ МЕЖДУ ГЕНЕРАЛОМЪ И НЕПРІЯТЕЛЕМЪ, ЗАКОЛОЛЪ ПОСЛѢДНЯГО НА МѢСТѢ И СПАСЪ СВОЕГО КОМАНДИРА.

ночного безмолвія слышится отдаленный плескъ морской волны о каменистый берегъ, но этотъ легкій шумъ болѣе походитъ на какой-то шелестъ и не нарушаетъ ночного покоя природы. Но вотъ, надъ Севастополемъ, то тамъ, то здѣсь, мелькаютъ огненныя точки, онѣ то поднимаются въ синюю вышину, то быстро опускаются на землю, но едва опустится блестящая точка, въ томъ мѣстѣ на землѣ какъ-будто что вспыхнетъ и вслѣдъ за этимъ несется глухой звукъ; это лопнула бомба.

— Скажите, Павелъ Федорычъ,—обратился къ капитану штабсъ-капитанъ Л.:—вы были въ главномъ штабѣ, не слышно ли чего насчетъ какого-нибудь общаго дѣла?

— Въ штабѣ подобныя вещи не говорятся,— отвѣтилъ казначей,—а если говорятъ, то имъ нельзя вѣрить.

— Отчего-жъ отрядъ генерала Липранди готовится къ передвиженію?

— Вы бы пошли на бастіонъ, да тамъ и подвизались,—проговорилъ казначей.—Ну, въ чемъ-же ваша новость?

— А въ томъ..... нынче которое число?— спросилъ поручикъ В., не договоривъ начатой рѣчи.

— Третье!—отвѣтилъ кто-то изъ сидѣвшихъ.

— Ну, такъ дня черезъ два или три, у насъ въ Севастополѣ будетъ пиръ на весь міръ.

— Ужь не выиграли-ли вы такъ много денегъ, что собираетесь угостить всю нашу армію? — спросилъ казначей съ насмѣшливой улыбкой.

— Можетъ-быть, а только дѣло въ томъ, господа, что будетъ приступъ и, кажется, не обойдется намъ даромъ.

— Ужь не думаете ли вы, что возьмутъ Севастополь англо-французы? — спросили нѣкоторые, обращаясь къ поручику.

— Когда?!—спросилъ казначей, вскочивъ со стула.

— Часа два будетъ, ваше благородіе.

— Ступай!

— Извольте записку, ваше благородіе.

Казначей взялъ записку, прочиталъ и, отпустивъ унтеръ-офицера, пошелъ въ баракъ. Между тѣмъ, сидѣвшіе на площадкѣ офицеры прекратили разговоръ и какъ-будто пріуныли. Потомъ нѣкоторые пошли въ другіе бараки ночевать, а другіе вошли въ комнату квартермістра, гдѣ все еще продолжалась отчаянная игра.

Но въ одно мгновеніе слухъ, что ранило полкового командира, любимаго начальника, нарушилъ веселое расположеніе духа пировавшихъ, игра скоро прекратилась и, мало-по-малу, всѣ начали расходиться. Какъ ни бывали иногда веселы и беззаботны наши воины подъ Севастополемъ, но въ минуты общихъ и даже частныхъ потерь, сердца ихъ живо чувствовали всю вели-

ность страшнаго бѣдствія. Какъ ни становится иногда равнодушенъ человѣкъ къ несчастію ближнихъ отъ долгой привычки, но бываютъ минуты, когда душа какъ-будто просыпается отъ тяжелаго сна, и начинаетъ ощущать острую боль за горе ближняго. Совершенно равнодушенъ не можетъ быть въ сердцѣ человѣка, какъ не можетъ быть забвенія, развѣ тогда только, когда разсудокъ помрачается, но тогда наступаетъ то ужасное состояніе, въ которомъ человѣкъ уподобляется неразумнымъ, бездушнымъ животнымъ.

Такъ, въ продолженіе кровавой осады Севастополя, мы какъ-будто равнодушно переносили и гибель товарищей, и всѣ ужасы войны. Мы даже веселились, развлекались, чѣмъ только могли; спали спокойно и въ городѣ, и въ блиндажахъ на бастіонахъ, какъ-будто забывая, что во время сна какая-нибудь шальная бомба, ядро или граната могутъ расшибить насъ въ прахъ, и временный сонъ можетъ перейти въ вѣчный. Мы сами даже думали, что намъ уже все ни почемъ, и что глупо думать каждый день о смерти, которая и безъ того напоминаетъ о себѣ въ тысячахъ жертвъ, павшихъ и падающихъ передъ нашими глазами. Но среди этого, повидимому, душевнаго спокойствія и презрѣнія опасности иногда шевелилось въ душѣ воспоминаніе о тѣхъ далекихъ мѣстахъ, гдѣ осталось милое и дорогое нашему сердцу. Зачѣмъ,—невольно спрашивалъ я самъ себя,—согнали тысячъ людей сошлись на этомъ небольшомъ уголкѣ земли, съ ужасной цѣлью истреблять другъ друга до послѣдней крайности? и когда-же? въ девятнадцатомъ вѣкѣ? При всѣхъ этихъ вопросахъ становилось страшно, холодъ пробѣгалъ по жиламъ, и сердце сжималось невыразимой тоской. А тутъ и являлся вдругъ какой-то добрый и свѣтлый геній и шепталъ: исполняй долгъ свой, надѣйся на милость Творца и пройдешь невредимо чрезъ всѣ искушенія и страданія, а если падешь въ битвѣ, то исполнишь заповѣдь великой любви: «положишь душу свою за друга своя». Подобныя мысли заключались молитвой и на душѣ становилось легко. Опять какъ-будто засыпаю сердце, чтобъ собраться съ новыми силами и пробудиться снова для новыхъ страданій, и опять перенести ихъ съ твердостью. Баракъ казначея С.... полка мгновенно опустѣлъ и погрузился въ сонъ и мракъ. Мирно сіяло небо; ярко на немъ блистали звѣзды, а надъ Севастополемъ все поднимались бомбы, все враждуя и враждуя, не спали люди, готовя гибель другъ другу. Чудный міръ природы страшно противорѣчилъ кровавой враждѣ человѣка.

5 іюня 1855 года останется памятно навсегда для всѣхъ, бывшихъ въ этотъ день въ Севастополѣ. «Чѣмъ-же памятно?—спросятъ многіе,—бомбардировка?» «Нѣтъ, — отвѣчу я, — а тѣмъ, что этотъ день былъ канунъ великаго дня 6 іюня, когда всѣ осаждавшіе враги, наскучивъ долгимъ терпѣніемъ, пошли на страшный штурмъ и встрѣтившись съ русской грудью, поразбились, какъ разбиваются бурныя волны моря, налетая на гранитный утесъ.»

5 іюня, часовъ въ десять утра, когда бомбардировка уже разгоралась и Севастополь, какъ вулканъ, гремѣлъ и дымился, въ одномъ маленькомъ домикѣ, мирно пріютившемся у развалинъ какого-то огромнаго зданія, происходила одна изъ обыкновенныхъ житейскихъ сценъ. Въ комнатѣ уютной, чистой, у стола сидѣла очень молодая дѣвушка и разливала кофе. Въ старыхъ

КРЕСТЬЯНИНЪ, БЛАГОСЛОВЛЯЮЩІЙ СЫНА ВЪ ОПОЛЧЕНІЕ ВО ВРЕМЯ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОБОРОНЫ (СЪ КАРТИНЫ Г. ТРУТНЕВА).

кожаныхъ креслахъ, у противоположнаго конца стола, помѣщался молодой флотскій офицеръ, онъ курилъ сигару и, время отъ времени, прихлебывалъ кофе изъ чашки, стоявшей передъ нимъ. Молодой морякъ былъ мичманъ Александръ Иванычъ Ревинъ. На взглядъ ему не болѣе двадцати трехъ, четырехъ лѣтъ; онъ средняго роста, хорошо сложенъ, съ умнымъ выраженіемъ въ лицѣ, маленькими усиками и прекрасными густыми, свѣтлорусыми волосами. Впрочемъ, всѣ эти наружные признаки очень обыкновенны, и, вообще, мичманъ Ревинъ очень обыкновенный молодой человѣкъ, какихъ вездѣ много на бѣломъ свѣтѣ. Молодая дѣвушка тонка, стройна,

съ свѣжимъ овальнымъ личикомъ, большими задумчивыми глазами, цвѣта морской воды. Волосы ея, черные, съ особенно-южнымъ отливомъ, были такъ роскошны и густы, что, казалось, маленькая головка гнулась подъ ихъ тяжестью. Когда молодая красавица наливала кофэ, нѣжная аристократическая ручка могла привлечь на себя вниманіе самаго равнодушнаго къ женской красотѣ человѣка. Молодая чета, видимо, наслаждалась жизнію и лучшимъ благомъ жизни—любовію, со всей беззаботностью молодости. Казалось, молодые любовники жили въ самомъ безопасномъ мѣстѣ, не слышали ревущей бури, которая каждую минуту, проносясь надъ ними, грозила гибелью. Земля стонала отъ грома орудій, зданія разрушались, обращаясь въ груду камней и мусора, кровь человѣческая лилась ежечасно, вездѣ летала смерть, не разбиравшая жертвъ, а въ маленькомъ домикѣ царствовали беззаботность и миръ.

Молодую дѣвушку звали Вѣрой о фамиліи ея умалчиваю. Она была дочь одного симферопольскаго чиновника, который прослужилъ болѣе тридцати лѣтъ въ одномъ изъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, вышелъ въ отставку съ пенсіономъ, но несмотря на это, питался почти подаяніемъ—чарка, горькая чарка погубила все. Ревинъ, бывши какъ-то въ Симферополѣ, познакомился съ Вѣрой въ одномъ хорошемъ и богатомъ домѣ, гдѣ молодая дѣвушка, подъ видомъ воспитанницы, исполняла почти обязанности служанки. Благодѣтели Вѣры, люди богатые, считали и то великимъ подвигомъ милосердія, что дали уголъ и кусокъ хлѣба дочери бѣднаго чиновника, спившагося съ круга. Вѣра все переносила съ терпѣніемъ; но когда она достигла того возраста, въ который красота женщины является могущественнымъ двигателемъ сердецъ, тогда жизнь въ домѣ ея благодѣтелей стала нестерпимо тяжела. Дочери богатаго филантропа видѣли въ бѣдной воспитанницѣ своихъ родителей красавицу, далеко затмившую ихъ своими природными дарами и считали всѣ средства позволительными, чтобъ унижать и мучить Вѣру до послѣдней крайности, надѣясь, что терпѣніе дѣвушки лопнетъ и она оставитъ ихъ домъ. Она и оставила ихъ домъ, но съ торжествомъ любви, сдѣлавшись невѣстой молодого и богатаго мичмана.

Оставивъ домъ своихъ покровителей, Вѣра уѣхала съ Ревинымъ въ Севастополь. У Ревина былъ въ городѣ свой маленькій домикъ, въ которомъ онъ и помѣстилъ свою невѣсту, а самъ между тѣмъ обратился къ начальству, прося разрѣшенія на вступленіе въ бракъ. Но еще разрѣшеніе не было дано, какъ англо-французскіе войска высадились на берега Крыма и обложили Севастополь. Послѣ кровопролитнаго Альмскаго дѣла, началась осада и грозный характеръ событій вовсе не благопріятствовалъ мирнымъ потребностямъ человѣческой жизни, поэтому и Ревинъ отложилъ свою свадьбу до болѣе благопріятнаго времени.

Предоставивъ свой домъ въ полное распоряженіе невѣсты, Ревинъ самъ помѣстился у одного капитанъ-лейтенанта, съ которымъ былъ друженъ. Когда началась осада, онъ хотѣлъ отправить Вѣру въ Симферополь, но дѣвушка рѣшительно отказалась, говоря, что ей очень любопытно посмотрѣть, какъ стрѣляютъ изъ пушекъ. Она видѣла въ сраженіяхъ одну только поэтическую ихъ сторону, и не знала о печальной кровавой судьбѣ битвъ, иначе-бы едва-ли рѣшилась остаться. Но главнымъ двигателемъ была любовь, которая если и не всегда творитъ героевъ, то почти всегда увеличиваетъ душевныя силы и незамѣтно доводитъ человѣка до самопожертвованія. И, дѣйствительно, сначала осады, Вѣра очень интересовалась всѣмъ, что только могла видѣть изъ военныхъ дѣйствій, но скоро страшная картина разрушеній, ежедневно повторявшихся въ осажденномъ городѣ, утомила вниманіе дѣвушки и она нашла возможнымъ сосредоточиться въ себѣ, и въ бесѣдахъ любимаго человѣка проводила время если не разнообразно, то всегда пріятно и мирно. Маленькій домикъ былъ ея храмомъ, гдѣ она, подобно древней весталкѣ, хранила свое дѣвство, чтобъ принести его въ жертву любви, когда настанетъ часъ соединенія съ избраннымъ другомъ сердца. И судьба какъ-будто хранила ея тихое и скромное убѣжище среди всеобщаго разрушенія.

Ревинъ каждый день навѣщалъ свою невѣсту, и проводилъ съ ней утро, забывая въ разговорахъ непріятность впечатлѣній кровавыхъ картинъ. Онъ находился на береговыхъ батареяхъ, которыми командовалъ капитанъ-лейтенантъ Барецкой, съ которымъ мичманъ и жилъ въ одной квартирѣ.

Капитанъ лейтенантъ Петръ Гавриловичъ Барецкой принадлежалъ къ числу тѣхъ старыхъ моряковъ, которые, какъ говорится, родились на морѣ и всегда желаютъ, чтобъ свободная стихія, бывшая ихъ колыбелью, сдѣлалась и ихъ могилой. Ему давно перешло за сорокъ лѣтъ, но время, оказывавшее свое дѣйствіе надъ нимъ до тридцатилѣтняго его возраста, далѣе какъ-будто потеряло свою силу и остановилось. Лицо его, почти всегда суровое, носило слѣды бурь душевныхъ и физическихъ; но эти бури не сокрушили ни его организма, ни энергіи его душевныхъ силъ; онъ встрѣчалъ ихъ всегда лицомъ къ лицу и онѣ только наложили на него знаки тяжелой борьбы, изъ которой, однако-жъ, онъ вышелъ побѣдителемъ. Встрѣтясь первый разъ съ Петромъ Гавриловичемъ Барецкимъ, вы, вѣрно, съ удивленіемъ бы остановились передъ нимъ и невольно подумали, что этотъ человѣкъ мизантропъ. Особенно его лицо, смуглое, неподвижное, обожженное тропическимъ солнцемъ, огрубѣвшее подъ бурями экватора, который онъ много разъ пересѣкалъ, не могло говорить въ пользу мягкости его характера. Глаза его, цѣта неопредѣленнаго, смотрѣли всегда какъ то мрачно и пристально, постоянно устремляясь на одинъ предметъ; но въ минуты торжественныя, когда долгъ или честь требовали жертвы, эти глаза метали молніи и, казалось, соперничали съ тѣми перунами, что падаютъ во время грозныхъ бурь изъ темныхъ, тяжелыхъ тучъ на мачты корабля. Этотъ старый, взлелѣянный бурями, морякъ, однако-жъ, умѣлъ любить по-своему нѣжно; а кому разъ открылось его сердце, тотъ пріобрѣталъ въ немъ друга, который при всѣхъ обстоятельствахъ жизни оставался неизмѣннымъ. Для друзей Барецкой не имѣлъ ничего завѣтнаго; рука его и кошелекъ всегда были для услугъ, если только честь и долгъ, которые онъ ставилъ выше всего въ жизни, не страдали при этомъ. Прослуживъ двадцать пять лѣтъ, совершивъ множество морскихъ кампаній, онъ получилъ въ разное время большія денежныя награды, что вмѣстѣ съ призовыми деньгами могли-бы составить порядочный капиталъ; несмотря на все это, онъ не имѣлъ почти ничего и никогда даже не думалъ, чтобъ скопить себѣ что-нибудь на будущее. Часто товарищи его по службѣ говорили:

— Для чего вы, Петръ Гавриловичъ, не отсылаете деньги ваши въ банкъ, онѣ-бы у васъ выростали да выростали процентами и пригодились-бы на будущее время?

— Господа, — отвѣчалъ тогда Барецкой, — я служилъ, служу, и буду служить не для того, чтобъ составить себѣ состояніе. Посудите, зачѣмъ мнѣ деньги? на службѣ мнѣ довольно моего оклада; а умру, такъ все еще останется на что меня похоронить. Да, впрочемъ, не безпокойтесь, господа,—прибавлялъ онъ, улыбаясь, —могилу мнѣ не заступомъ будутъ копать, и обрядъ похоронъ моихъ тоже будетъ простъ: разъ, два, три! волны всплеснули, и поминай, какъ звали стараго моряка.

Какъ начальникъ, Петръ Гавриловичъ былъ строгъ, но не мелоченъ; онъ всегда прощалъ легкія ошибки, но никогда не прощалъ нерадѣнія и безпечности. Командуя кораблемъ, онъ всегда и вездѣ былъ первый, и въ рѣшительныя минуты борьбы съ яростными стихіями, своимъ желѣзнымъ хладнокровіемъ невольно вдыхалъ въ своихъ подчиненныхъ твердость и надежду. Но горе тому, кто ослушивался его команды, онъ выбрасывалъ непослушнаго за бортъ корабля, говоря: «Пусть отвѣчу я одинъ передъ закономъ и совѣстью, но не допущу ослабленія дисциплины, которая на морѣ есть залогъ общей безопасности и могучій рычагъ Архимеда». Барецкой, проводя почти всю жизнь на морѣ, мало любилъ землю, а потому и не удивительно, что остался холостякомъ, хорошо зная, что супружескія узы требуютъ болѣе покойнаго рода жизни, чѣмъ жизнь моряка. Многіе изъ его товарищей поговаривали, что старый китъ (такъ называли моряки въ шутку капитана) знаетъ свою судьбу, то-есть вѣритъ, что, рано или поздно, ему придется умереть, но что касается до религіи, до вѣры въ будущую жизнь, то едвали грозный капитанъ имѣлъ время часто думать объ этихъ великихъ истинахъ. Такъ думали многіе, и думали потому, что не знали хорошо своего товарища, который не любилъ говорить о своихъ душевныхъ тайнахъ; не будучи ханжей и лицемѣромъ, старался скрывать каждое нѣжное, благородное движеніе своего сердца. Въ борьбѣ съ бурями физическими и нравственными, душа этого человѣка закалилась и была подобно тѣмъ трудно разбиваемымъ конгломератамъ *) внутри которыхъ часто заключается драгоцѣнный алмазъ. Тяжелый опытъ, обманы молодости, и другія печальныя событія жизни замкнули сердце Барецкаго для скораго проявленія нѣжныхъ чувствъ, но если уже чувства вырывались изъ этого сердца, то были вихучимъ потокомъ, принимая большею частію грубыя формы. Несмотря на свою долгую, отличную службу, Барецкой не получилъ никакихъ особенныхъ знаковъ отличій, и даже многіе изъ товарищей его, гораздо моложе службой, обогнали его чинами и наградой. На все это Петръ Гавриловичъ смотрѣлъ равнодушно и говаривалъ иногда тѣмъ, кого любилъ: «Ну, стоитъ-ли завидовать такимъ пустякамъ, друзья мои, развѣ я не знаю, что служилъ и служу безъ всякихъ разсчетовъ. Вотъ, если-бъ кто-нибудь сказалъ, что я не честно исполняю долгъ свой, ну, тогда дѣло другое, и я бы поговорилъ съ тѣмъ, кто сказалъ подобныя слова, по своему; теперь-же я покоенъ и доволенъ, а до счастья другихъ, какое мнѣ дѣло,— можетъ-быть, имъ такъ свыше назначено». Барецкой имѣлъ не многихъ друзей, съ которыми любилъ проводить время, и съ этими немногими онъ рѣдко бывалъ откровененъ. За то матросы любили его покорной, преданной любовью; повиновались ему безпрекословно, всегда съ такою твердою рѣшимостію, какая рождается вслѣдствіе непоколебимой вѣры, за то и капитанъ-лейтенантъ любилъ своихъ матросовъ, какъ строгій и справедливый отецъ, всегда входя въ ихъ нужды, всегда заботясь о ихъ судьбѣ. Ни одна мелочь въ ихъ ежедневной жизни не ускользала отъ его неусыпнаго вни-

*) Слѣпки изъ кварца, желѣзистой руды и другихъ твердыхъ минеральныхъ веществъ, внутри которыхъ часто находятся алмазы.

мавія; вѣрный взглядъ его, почти всегда съ перваго раза умѣлъ отличить въ человѣкѣ способности и недостатки, а практическая служебная и житейская мудрость давали ему средства вѣрно управлять людьми, приноравливаясь къ ихъ характерамъ.

Барецкой любилъ молодого мичмана Ревина, а замѣтивъ въ молодомъ человѣкѣ открытый и смѣлый характеръ и любовь къ морю, онъ старался передать ему тайны своей служебной опытности, иногда намекая на разныя событія изъ собственной жизни. Ревинъ уважалъ, любилъ Барецкаго, но немного боялся его; никогда онъ не могъ дойти до полной откровенности съ капитаномъ, такъ и о любви своей къ Вѣрѣ сообщилъ Петру Гавриловичу только нѣкоторыя черты, умолчавъ о подробностяхъ.

Не угодно-ли вамъ, господинъ мичманъ, протанцовать со мной нѣсколько туровъ вальса!

Вѣра отошла отъ стола и, вставъ въ граціозную позу, протянула одну руку Ревину, приглашая его мимикой на любимый свой танецъ.

— Въ другой разъ протанцую съ тобой, а теперь, право, не время.

— Такъ-то вы меня любите!—вскричала дѣвушка и сѣла на диванъ, надувъ губки.

— Послушай меня, душа моя, — началъ Ревинъ, вставъ съ кресель и садясь на диванъ подлѣ своей невѣсты.

— Вы не слушали моихъ просьбъ, не хочу и я васъ слушать!

Дѣвушка отвернулась съ досадой.

— Подумай, Вѣра, что теперь такое страшное время, а сегодня, можетъ-быть, должна рѣшиться судьба многихъ тысячъ людей. Не грѣшно-ли веселиться въ такіе часы, когда приносится великая жертва и наши герои готовятся къ смерти.

При послѣднихъ словахъ мичмана, сердитое выраженіе въ лицѣ дѣвушки измѣнилось въ грустное, и она украдкой отерла слезинку, вдругъ навизшую на рѣсницѣ.

— Александръ! неужели ты считаешь меня безчувственной? — проговорила Вѣра и, заплакавъ, склонилась головой на грудь Ревина.

Прошло нѣсколько минутъ въ молчаніи. Молодая чета сидѣла, крѣпко обнявшись, какъ-будто пораженная чѣмъ-то чрезвычайнымъ. Первый опомнился Ревинъ, онъ взглянулъ на часы, и вырвался изъ объятій своей невѣсты.

— Неужели ты оставишь меня такъ рано —проговорила дѣвушка грустнымъ голосомъ, смотря въ глаза юношѣ.

— Развѣ ты не слышишь, Вѣра!

— Я слышу выстрѣлы и больше ничего, но вѣдь это бываетъ каждый день.

— Ну, не совсѣмъ; это не обыкновенные выстрѣлы, а залпы со всѣхъ батарей, и эти залпы становятся чаще и чаще,—сегодня бомбардировка и я долженъ быть на моемъ мѣстѣ.

— Но вѣдь капитанъ Барецкой отпустилъ тебя?

— Тѣмъ хуже для меня, если воспользуюсь снисходительностью моего начальника и забуду долгъ мой.

— Но любовь вѣдь выше долга? — спросила дѣвушка, боязливо поглядѣвъ на Александра Иваныча.

Странствующіе по южному берегу Крыма, англичане, по заключеніи мира, весною 1856-го года.

— Отчего ты такъ задумчивъ сегодня, другъ мой?—спросила Вѣра Алексѣевна своего жениха, подавая ему только-что налитую чашку кофе.

— Совсѣмъ нѣтъ, это тебѣ такъ кажется,— отвѣтилъ Ревинъ, улыбаясь.

Онъ взялъ чашку и поцѣловалъ на лету кончики пальцевъ маленькой ручки, которая быстро отдернулась назадъ.

— Правда-ли? прошу меня не обманывать,— проговорила дѣвушка, улыбаясь, и погрозивъ пальчикомъ.

— Я и не думаю тебя обманывать, Вѣра, но если иногда и находятъ на меня грустныя мысли, то этому причиной ты, моя дорогая!

— А чтобъ на васъ не находили изъ-за меня грустныя мысли, то я васъ накажу сейчасъ.

— Нѣтъ, моя возлюбленная! долгъ и честь выше всего, имъ все приносится въ жертву, и жизнь, и счастье, и любовь. Вѣдь ты-бы не стала уважать своего мужа, когда-бы онъ былъ человѣкъ безчестный, клятвопреступный? не правду-ли я говорю, мой бѣдный другъ?

— Да, это истина, которой я готова принести все въ жертву. Слушай-же, что я скажу тебѣ, Александръ,—проговорила дѣвушка, выпрямившись, голосомъ твердымъ и спокойнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ глазахъ Вѣры свѣтилось чувство твердой покорности волѣ Божіей.

— Все, что бы ты ни сказала мнѣ, моя дорогая, будетъ для меня памятно и дойдетъ до моего сердца.

— Я скажу тебѣ немного или лучше попрошу

тебя о маломъ: если-бъ тебя ранили смертельно, обѣщай мнѣ въ ту роковую для тебя минуту вспомнить меня и помолиться обо мнѣ.

— Что за странная просьба, Вѣра! — проговорилъ Ревинъ, съ удивленіемъ посмотрѣвъ на свою невѣсту.

Онъ отыскивалъ на лицѣ дѣвушки признаковъ душевнаго разстройства, но оно было спокойно, только блѣднѣе и серьезнѣе обыкновеннаго.

— Ну, что-жъ, даешь-ли ты мнѣ слово, Александръ? — спросила Вѣра рѣшительнымъ голосомъ.

— Даю и клянусь моей любовью къ тебѣ! но прошу тебя, Вѣра, пожалуйста, не давай воли печальнымъ мыслямъ, избѣгай мрачнаго предчувствія, а молись и надѣйся.

— Встанемъ-же на колѣни и помолимся! — сказала дѣвушка.

Вѣра и Ревинъ опустились на колѣни передъ образомъ Спаса и нѣсколько минутъ провели

МОЛОДЫЕ ЗАЩИТНИКИ СЕВАСТОПОЛЯ: ЮНГИ ЧЕРНОМОРСКАГО ФЛОТА ГЕВИЦЫНЪ, РОБЕРЪ, ФАРАСЮКЪ И НОВИКОВЪ.

въ молитвѣ. Потомъ Вѣра перекрестила своего жениха и, крѣпко обнявъ его, сказала, указывая на кресло, стоявшее возлѣ окна:

— Здѣсь буду дожидаться до полночи и молиться за тебя.

Вырвавшись изъ объятій невѣсты, Ревинъ взялъ свой кортикъ и вышелъ поспѣшно изъ дома.

Страшенъ былъ день 5-го іюня 1855 года,— многіе изъ храбрыхъ защитниковъ Севастополя не пережили его, многіе, переживъ, остались на всю жизнь калѣками; но долго еще будутъ вспоминать пережившіе ужасную картину гибели и разрушенія, которая тогда въ общемъ хаосѣ отъ дыма и грома, поражая весь организмъ человѣка, казалось неизбѣжнымъ опредѣленіемъ судьбы и притупляла чувство страха, всегда сродное человѣческой природѣ; теперь эта картина воскресаетъ въ воображеніи со всѣми своими пламенными чертами, и какъ будто само время реставрируетъ померкшія краски, набрасывая на нихъ потрясающій душу колоритъ.

Бомбардировка, начавшаяся съ ранняго утра, ожесточилась къ полудню, потомъ на нѣкоторое время стихла, а потомъ опять началась съ большею силою. Севастополь представлялъ центръ, къ которому, какъ радіусы, направлены были выстрѣлы непріятельскихъ батарей, что уже давало важное преимущество осаждающимъ передъ осажденными. Помню тѣ страшные, потрясавшіе землю, залпы, вслѣдъ за которыми тучи ядеръ и гранатъ проносились надъ городомъ. Помню, какъ въ душной, раскаленной атмосферѣ образовывались вихри. Облака дыма разноцвѣтными тучами висѣли надъ городомъ; по улицамъ крутилась столбами пыль; пороховой, ѣдкій запахъ ѣлъ глаза и ударялъ въ голову. То тамъ, то здѣсь, тяжелая бомба, упавъ на зданіе, разрушала его. Тяжелый чугунный снарядъ съ страшною силою вдругъ падалъ на крышу дома и какъ бы исчезалъ во внутренности воздухѣ; огнистые слѣды конгревовыхъ ракетъ тянулись надъ моремъ, огоньки рикошетирующихъ по валгангамъ гранатъ издали казались огненными блуждающими духами, въ ночномъ мракѣ.

Вездѣ огонь и огонь, въ разныхъ видахъ и разныхъ направленіяхъ, представлялъ для наблюдателя съ пылкимъ воображеніемъ одинъ изъ тѣхъ волшебныхъ сновъ, въ которомъ духи стихій, являясь на зовъ могучаго волшебника, подобно лучезарнымъ звѣздамъ, спѣшатъ съ разныхъ сторонъ, то пропадая, то являясь среди мрака, предшествуемые то пѣніемъ, то журчаніемъ, то грохотомъ, то громомъ, атрибутами подвластныхъ имъ силъ природы.

На одной изъ ближайшихъ къ морю батарей, за линіей гремѣвшихъ орудій, спокойно, какъ на палубѣ корабля, раскаживалъ капитанъ-лейтенантъ Барецкой. Время отъ времени онъ подходилъ то къ одному, то къ другому орудію, повѣрялъ вѣрность прицѣла и, сдѣлавъ замѣчаніе комодору, отходилъ къ другому пункту. Бомбы и ядра бороздили брустверъ батареи; осколки чиненыхъ снарядовъ осыпали орудія и прислугу, а огонь не умолкалъ ни на минуту. Барецкой, если замѣчалъ гдѣ нибудь медленность, или когда убивало, или ранило бомбардира, самъ бралъ фитиль и стрѣлялъ изъ орудія, пока мѣсто выбывшаго изъ строя не замѣнялъ другой матросъ-артиллеристъ.

— Капитанъ, я иду на вылазку,—проговорилъ мичманъ Ревинъ, подойдя къ Барецкому.

— Вы сами вызвались въ охотники? — спросилъ Барецкой.

— Да, я не хочу отставать отъ товарищей; въ нашей командѣ безстрашный Лазарь, а гдѣ этотъ морской паукъ, тамъ всегда удача—и, Богъ дастъ, мы и нынче опять заклепаемъ нѣсколько непріятельскихъ орудій.

— Ну, нынче не очень-то можно ожидать удачи, — проговорилъ капитанъ, посматривая чрезъ брустверъ.

— Почему вы такъ думаете, Петръ Гаврилычъ? — спросилъ Ревинъ, тревожно посмотрѣвъ на капитана.

— Очень просто, теперь они всѣ на сторожѣ и, кажется, цѣлую ночь не сомкнутъ глазъ.

— А передъ утромъ?

— Передъ утромъ, можетъ-быть, придутъ къ намъ завтракать.

— Вы разсчитываете на приступъ?

— На что-жъ другое? если и теперь приглядѣться хорошенько, зоркій глазъ замѣтитъ, что въ траншеяхъ у непріятеля движенія болѣе обыкновеннаго.

— Тѣмъ хуже для нихъ. И такъ, до свиданья, капитанъ, пожелайте намъ успѣха.

— Да будетъ Богъ надъ вами,—идите исполнять вашъ долгъ,—сказалъ Барецкой спокойно. Однако, въ голосѣ капитанъ-лейтенанта слышалось какъ-будто легкое измѣненіе,—онъ дрожалъ. Капитанъ особенно крѣпко пожалъ руку Ревину и сказалъ ему на ухо нѣсколько словъ.

Только-что ушелъ мичманъ, какъ пудовая граната, пробивъ щеку амбразуры, разбила лафетъ орудія, убила комодора и тяжело ранила двухъ человѣкъ изъ прислуги. Вслѣдъ за этимъ ядро, рикошетируя по брустверу, подбило еще одно орудіе, убило двухъ человѣкъ и забросало землей Барецкаго. Огонь вдругъ ослабѣлъ, и на батареѣ, видимо, произошло замѣшательство.

— Замѣстить выбывшихъ!—грозно крикнулъ капитанъ-лейтенантъ и, схвативъ фитиль, бросился къ подбитому орудію, которое еще не выстрѣлило.

Послать гранату въ непріятельскія траншеи было для Барецкаго дѣломъ одного мгно-

ПОСѢЩЕНІЕ СЕЛЕНГИНСКАГО РЕДУТА У СЕВАСТОПОЛЯ, ПО ОТБИТІИ ШТУРМА 12 ФЕВРАЛЯ 1855 ГОДА, ВЕЛИКИМИ КНЯЗЬЯМИ НИКОЛАЕМЪ НИКОЛАЕВИЧЕМЪ И МИХАИЛОМЪ НИКОЛАЕВИЧЕМЪ.

венья. Послѣ этого онъ бросился къ другому орудію и сталъ помогать матросамъ привести пушку въ надлежащее положеніе. Быстро переходилъ Петръ Гаврилычъ съ одного мѣста на другое, шутилъ съ матросами, помогалъ надвигать орудія, распоряжался смѣной людей, помогалъ вездѣ и всюду; неутомимо и хладнокровно расхаживалъ старый морякъ подъ градомъ пролетавшихъ ядеръ и гранатъ; осыпаемый землею, два раза ушибленный осколками дерева и камня, онъ какъ-будто ничего не чувствовалъ, ничего не видѣлъ, кромѣ своей батареи и людей, работавшихъ при орудіяхъ. Такъ наступила полночь. Выстрѣлы немного стихли, но бомбы продолжали свои страшные перекаты. Барецкой стоялъ у одного изъ орудій и слѣдилъ за полетомъ снарядовъ.

— Капитанъ! берегись! — закричалъ одинъ изъ матросовъ, и въ то же мгновенье бомба съ ревомъ опустилась и упала въ двухъ шагахъ отъ Петра Гаврилыча. Въ одно мгновеніе схватилъ онъ тяжелое орудійное правило и

Отъ грома орудій, отъ смерти и гибели, отъ страшныхъ бастіоновъ и ужасовъ бомбардировки перенесемся опять въ маленькій домикъ, гдѣ утромъ происходила полуидиллическая, полупечальная сцена между двумя молодыми любовниками. Въ уютной комнатѣ, въ которой Ревинъ простился съ Вѣрой, съ наступленіемъ вечера стало какъ-то особенно мрачно и молчаливо. Вѣра сидѣла въ креслахъ у окна, гдѣ она дала слово дожидаться возвращенія своего жениха. Дѣвушка держала въ рукахъ какую-то работу, но мысли ея были тревожны и печальны; работа безпрестанно падала на колѣни изъ рукъ, повидимому, часто ослабѣвавшихъ и какъ бы машинально двигавшихся. Съ наступленіемъ сумерекъ Вѣра встала съ кресель, вошла въ другую комнатку, служившую ей спальной и, зажегши передъ образомъ лампаду, горячо молилась за друга сердца. Дрожащій лучъ лампады освѣщалъ небольшой, но превосходной живописи образъ Богородицы всѣхъ скорбящихъ. Коленопреклоненная дѣвушка, стран-

щими изъ земли и дожидавшимися таинственнаго велѣнія вызвавшей ихъ силы. Вѣрѣ становилось отъ чего-то страшно, и она спѣшила вернуться въ свою комнату, и опять садилась въ кресло, стараясь развлечься работой; но едва проходила минута, работа опять валилась изъ рукъ, и опять начинались выходы на дворикъ, и наблюденія вдоль по улицѣ, и ожиданія, и суевѣрный страхъ. А время летѣло и летѣло на своихъ быстрыхъ крыльяхъ, унося съ собой въ бездну вѣчности множество великихъ воспоминаній о дѣлахъ человѣка, вѣчно неутомимаго, вѣчно непостоянаго, и часто въ суетѣ своей забывающаго о неумолимой рукѣ времени, которое ни для кого и никогда не останавливаетъ своего рокового полета.

Часы ударили полночь, и едва замеръ послѣдній звукъ колокольчика, какъ Вѣра почувствовала что-то особенное, внезапно встревожившее ея душу. Сильно забилось сердце дѣвушки, она встала, и пошла въ свою спальню сотворить молитву. Только что встала Вѣра на

Й. . . СООРУЖЕНІЕ ЦЕРКВИ СВ. ВЛАДИМІРА ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ СЪ ВИДОМЪ МОГИЛЫ ЛАЗАРЕВА, НАХИМОВА, КОРНИЛОВА И ИСТОМИНА, ВЪ 1855-ОМЪ ГОДУ.

столкнулъ вертѣвшуюся бомбу за брустверъ; ее разорвало во рву, но два или три осколка перелетѣли черезъ валъ и одинъ изъ нихъ сорвалъ фуражку съ головы храбраго Барецкаго. Всѣ матросы и артиллеристы смотрѣли на капитана съ удивленіемъ и почти съ суевѣрнымъ ужасомъ.

— Глянь, Красный, — говорилъ одинъ матросъ другому,—капитанъ играетъ съ бомбами, какъ съ капустными кочнями!

— Фу ты пропасть! ужь не заключилъ-ли онъ договора съ морскимъ дѣдомъ?!—проговорилъ другой матросъ въ отвѣтъ первому.

Грозная ночь приходила къ концу; близился грозный день 6-го іюня, а въ утро этого дня рѣшилось многое. Барецкой въ два часа за полночь сошелъ въ свой блиндажъ и легъ отдохнуть, приказавъ себя тотчасъ разбудить, какъ только выстрѣлы участятся, или вообще со стороны непріятелей замѣтится какое-нибудь движеніе.

ный полусвѣтъ комнаты, и ярко блистающій золотой вѣнецъ надъ ликомъ Пресвятой Дѣвы,— все это имѣло какой-то таинственный и грустный колоритъ. Помолившись, Вѣра встала, вошла въ залу и сѣла опять въ кресло подлѣ окна. Между тѣмъ и въ этомъ скромномъ жилищѣ ясно отдавались грозные выстрѣлы, лопанье бомбъ, и ревъ пролетавшихъ надъ городомъ ядеръ. Весь этотъ оттолосокъ ревущей военной бури, проникая въ маленькую комнатку, странно нарушалъ царствовавшую тамъ тишину.

Пробило одиннадцать часовъ вечера, а Ревинъ не возвращался. Дѣвушка начала, видимо, безпокоиться и раза два или три выходила на маленькій дворикъ, потомъ изъ калитки смотрѣла въ даль по улицѣ, не покажется ли мичманъ. Но во мракѣ чуть-чуть только бѣлѣлись груды разрушенныхъ зданій, да огромныя известковыя плиты въ темнотѣ ночи казались какими-то бѣлыми привидѣніями, вдругъ вышед-

колѣни, какъ позади ея раздался знакомый милый голосъ. Дѣвушка вскочила, какъ отъ электрическаго удара,—передъ ней стоялъ Ревинъ, въ фуражкѣ и съ черной повязкой на лицѣ.

— Ахъ, какъ ты поздно, другъ мой! сердце мое изныло, дожидаясь тебя,—вскричала дѣвушка и бросилась обнимать своего жениха.

— Не трогай меня, Вѣра,—грустно проговорилъ мичманъ, отстраняя свою невѣсту.

— Боже мой! ты раненъ?!—вскричала отчаянно дѣвушка и зашаталась.

— Да, меня опасно ранило, и я иду теперь къ великому врачу, который исцѣляетъ всякую болѣзнь и всякій недугъ. Но слушай,—продолжалъ Ревинъ, тихимъ, однообразно грустнымъ голосомъ,—я пришелъ къ тебѣ сказать нѣсколько словъ.

Вѣра съ ужасомъ посмотрѣла на своего жениха, и увидѣла на шинели его большія кровавыя пятна. Силы измѣнили ей, она опустилась на стоявшій возлѣ нея стулъ и смот-

ДОМЪ НА БАЛЬЗАМЕ ВЪ КРЫМУ, ВЪ КОТОРОМЪ ЖИЛЪ ГЕНЕРАЛЪ ТОТЛЕБЕНЪ ПО ПРИЧИНѢ ЛЕЧЕНІЯ РАНЫ, ПОЛУЧЕННОЙ ПРИ ОБОРОНѢ СЕВАСТОПОЛЯ.

Тутъ онъ поцѣловалъ въ лобъ свою невѣсту, и прежде чѣмъ дѣвушка успѣла вскочить, мичманъ вышелъ въ сѣни и исчезъ. Вѣра, какъ безумная, съ дикимъ крикомъ бросилась вслѣдъ за женихомъ своимъ и выбѣжала на дворъ; но тамъ было пусто и мрачно; она бросилась въ калитку, побѣжала вдоль по улицѣ, кричала, чтобы женихъ вернулся, но только эхо повторяло ея крики въ пустыхъ развалинахъ, да отдаленные, глухіе разрывы бомбъ потрясали воздухъ и нарушали покой ночи. Уставъ, измучившись отъ долгаго бѣганья, и частаго спотыканья по неровной мостовой, заваленной обломками разбитыхъ снарядами камней, дѣвушка остановилась; осмотрѣвшись вокругъ, вспомнила, что она далеко отбѣжала отъ своего скромнаго крова. Подумавъ и приведя въ порядокъ свои мысли, тихо пошла она назадъ, опять вошла въ свою комнату, но рядъ сильныхъ душевныхъ ощущеній потрясъ нѣжный организмъ, и Вѣра, упавъ въ кресла, лишилась чувствъ. Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошла пожилая женщина, исправлявшая должность ключницы и горничной. Увидѣвъ свою барышню безъ чувствъ, она поспѣшила разстегнуть ей платье. Потомъ дала понюхать спирта и уложила въ постель. Черезъ полчаса Вѣра очнулась и, увидѣвъ свою экономку, слабымъ голосомъ спросила, не возвращался-ли мичманъ. Женщина отвѣчала отрицательно, но, чтобъ успокоить барышню, прибавила, что, вѣроятно, баринъ скоро возвратится. Сильное горе и душевное разстройство навело на Вѣру сонъ; глаза ея закрылись. Ключница, задернувъ пологъ кровати, тихонько вышла изъ комнаты. Наступило утро 6-го іюня, славный день въ лѣтописи Севастопольской осады,—когда отбитъ былъ общій штурмъ всей линіи Севастопольскихъ укрѣпленій. Вѣра проснулась въ восемь часовъ; сонъ укрѣпилъ ея тѣло, но душа болѣла и сердце сжалось отъ чего то ужаснаго, но еще неразрѣшеннаго. Съ трудомъ выпила она чашку чая и хотѣла для развлеченія поиграть на фортепіано, какъ вошла ключница и подала ей маленькую записочку.

— Отъ кого это, Ѳедосья?—спросила Вѣра, распечатывая дрожавшей рукой письмо.

— Матросъ принесъ, барышня, отъ морского капитана, говоритъ, забыла, какъ онъ его назвалъ.

рѣла, не сводя глазъ съ жениха, стараясь разглядѣть его лицо, но черная повязка и надвинутая на глаза фуражка мѣшали видѣть выраженье лица мичмана.

— Слушай, Вѣра, завтра тебѣ придутъ сказать о моей болѣзни, и потому запомни мои слова:—не предавайся отчаянію,—великій, тяжкій грѣхъ этотъ губитъ невозвратно душу человѣка. Знай, что я буду здоровъ и свѣжъ душой, если ты будешь молиться за меня и надѣяться на свиданье, за которымъ послѣдуетъ вѣчное наше соединеніе. Если-жъ ты допустишь духу унынія овладѣть твоей душой, то мнѣ будетъ очень тяжело и свиданье наше можетъ не состояться.

Проговоривъ эти слова, Ревинъ подошелъ къ столу, взялъ листъ бумаги и обмакнувъ перо въ чернила, началъ писать. Когда онъ окончилъ, подошелъ къ невѣстѣ, которая все еще сидѣла на стулѣ въ странномъ безсиліи.

— Прощай, Вѣра,—проговорилъ Ревинъ,—я спѣшу, мнѣ велѣно явиться на очистительный пунктъ.

ВСТРѢЧА ВЪ МОСКВѢ ЧЕРНОМОРСКИХЪ МОРЯКОВЪ, ВОЗВРАТИВШИХСЯ ИЗЪ СЕВАСТОПОЛЯ, 18 ФЕВРАЛЯ 1856 Г.

ТАТАРСКІЕ «АРБАКАРЫ» ЮЖНАГО БЕРЕГА КРЫМА, СЛУЖИВШІЕ ДЛЯ ПЕРЕВОЗКИ РАНЕНЫХЪ.

УГОЩЕНІЕ ЗАЩИТНИКОВЪ СЕВАСТОПОЛЯ ВЪ МОСКВѢ 18-ГО ФЕВРАЛЯ 1856 Г.

Вѣра развернула записку, и прочла прежде всего подпись,—записка была отъ капитанъ-лейтенанта Барецкаго. Тамъ было написано только нѣсколько словъ, вотъ они: «Милостивая государыня, Вѣра Алексѣевна! Если вы истинная христіанка, то вѣруете, что безъ воли Бога не падаетъ и волосъ съ головы человѣка. Женихъ вашъ убитъ вчера, во время вылазки, ровно въ двѣнадцать часовъ ночи, какъ передалъ мнѣ, бывшій вмѣстѣ съ нимъ, другой нашъ офицеръ. Онъ палъ честной смертью воина, а это завидная смерть! При свиданьи сообщу вамъ болѣе, теперь же я стою противъ враговъ отечества, и самъ готовлюсь предстать передъ другой, высшій судъ. Вашъ и проч.».

При началѣ чтенія, дѣвушка зашаталась и едва не упала безъ чувствъ, но вдругъ въ душѣ ея совершилось чудо; она выпрямилась во весь ростъ, на минуту закрыла рукой лицо, потомъ спокойно дочитала записку. Приказавъ своей ключницѣ отпустить матроса и поблагодарить его, Вѣра твердыми шагами пошла въ спальню и, подойдя къ столу, увидѣла исписанный листъ бумаги,—это былъ тотъ самый листъ, на которомъ написалъ что-то покойный Ревинъ передъ своимъ послѣднимъ уходомъ. Дѣвушка взяла въ руку бумагу и тотчасъ узнала почеркъ своего жениха. Она схватилась обѣими руками за голову, какъ-будто нестерпимая боль сжала ей мозгъ. Но черезъ нѣсколько минутъ, силы опять возвратились къ ней, и съ непостижимой энергіей страданья, она сѣла на стулъ и начала читать написанное поксйнымъ ея женихомъ. То было нѣчто въ родѣ духовнаго завѣщанія. Вотъ его содержаніе:

«Во имя Того, Кто создалъ все, Кто есть дыханіе жизни и Вѣчная Благость, да будетъ исполнена моя послѣдняя, и уже послѣ-смертная воля. Все, что принадлежало мнѣ при жизни, остается въ полную собственность моей невѣсты (слѣдовало имя, отчество и фамилія Вѣры). Надѣюсь, что никто не будетъ сомнѣваться въ истинѣ написаннаго мной, и никто не притѣснитъ мою возлюбленную невѣсту, никто не оскорбитъ невинную дѣвушку, оставшуюся въ мірѣ безъ опоры, круглой сиротой. Теперь къ тебѣ обращаюсь, моя милая Вѣра, и если ты любила меня искренно, то повѣришь словамъ моимъ и сохранишь ихъ въ памяти сердца. По волѣ Бога Всемогущаго, явился я къ тебѣ послѣ внезапной моей смерти, явился для того, чтобы ты вѣрила въ возможность вѣчной любви за гробомъ и въ таинственную связь, соединяющую живыхъ съ отжившими. Не мудрствуй о томъ, что останется вѣчной тайной на землѣ, но что въ другомъ мірѣ объяснится для тѣхъ, которые вѣрили и надѣялись въ простотѣ сердца. Не налагаю на тебя никакихъ обѣтовъ въ земной твоей жизни, кромѣ обѣта памяти и молитвъ о моей душѣ. Но когда настанетъ твоя очередь оставить міръ суеты, я буду молить Милосердаго Творца, чтобы Онъ позволилъ моей грѣшной душѣ извѣстить твою душу о приближающемся переходѣ въ другую вѣчную жизнь. Пройди честно путь жизни и будь счастлива добродѣтелями, тогда и мой духъ будетъ спокоенъ и возрадуется о твоей прекрасной долѣ, моя милая невѣста. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу—аминь. 12 часовъ ночи съ 5 на 6 іюня 1855 года, часъ моей смерти».

Далѣе слѣдовала подпись Ревина и его маленькая гербовая печать, вырѣзанная въ перстнѣ, который онъ никогда не снималъ съ руки своей.

Горе было велико, неизмѣримо; потеря невозвратна; казалось бы, что сердце бѣдной дѣвушки, потерявшей въ своемъ женихѣ счастіе всей жизни, должно было разорваться на части; но въ душѣ человѣка проявляется иногда, въ минуты роковыхъ ударовъ судьбы, непостижимая, страшная сила, и эта сила поддерживаетъ отъ разрушенія бренный организмъ человѣка. Прочитавъ послѣ-смертное духовное завѣщаніе своего жениха, Вѣра тихо опустилась на колѣни и, устремивъ безслезный взоръ на ликъ Богоматери, стала молиться. Долго молилась она, безъ словъ, безъ вздоховъ, безъ слезъ: эта торжественная безмолвная молитва казалась таинственной бесѣдой безсмертнаго духа съ Высочайшимъ Существомъ, Творцомъ всякаго духа и всякой жизни. Наконецъ, грудь дѣвушки заколыхалась, голова склонилась долу и изъ глазъ полились слезы, такъ долго кипѣвшія въ сердцѣ и, наконецъ, вызванныя оттуда силой молитвы.

Таинственное явленіе жениха Вѣры послѣ смерти и написанное имъ, тоже послѣ смерти своей, завѣщаніе, долго было предметомъ удивленія, знавшихъ это чудное происшествіе; но не такое было время Севастопольская осада, чтобы долго можно было заниматься какимъ бы то ни было, хотя и чуднымъ событіемъ. Гдѣ рѣшалась участь нѣсколькихъ десятковъ и сотенъ тысячъ людей, тамъ всякое частное горе становилось ничтожнымъ; всякое происшествіе, не имѣвшее отношенія или связи съ общими событіями, казалось мало занимательнымъ и забывалось скоро.

Озеркалъ и гремѣлъ Севастополь, какъ страшный огненный вулканъ, въ достопамятное утро 6 іюня 1855 года. Тонули въ огнѣ и дымѣ роковые бастіоны; извергая пламенные вихри, гремѣли сотни огромныхъ орудій, тряслась и трескалась земля отъ сотрясенія и страшныхъ громоносныхъ залповъ. Тамъ не было мѣста для жизни, тамъ леталъ духъ гибели и разрушенія; тамъ все живое готовилось къ смерти съ тѣмъ самоотверженіемъ и вѣрой, которыя возвышаютъ душу человѣка до той духовной ангельской природы несокрушимой и безсмертной.

Между тѣмъ какъ наши герои стояли на грозныхъ бастіонахъ, готовые умереть за вѣру царя и отчизну, храбрые полки англо-французскихъ войскъ тоже смѣло шли на страшный пиръ. Малаховъ курганъ и 4 й бастіонъ были главными пунктами, на которые устремлялись усилія штурмовавшихъ. Но не такъ-то легко было взять зеленый холмъ, и много пало тамъ

ЧЕСТВОВАНІЕ ЗАЩИТНИКОВЪ СЕВАСТОПОЛЯ У НОРС-ТРОВЦКАГО ТРАКТИРА 17-ГО ФЕВРАЛЯ 1856 Г.

отчаянныхъ удальцовъ, стремившихся на гровмыя наши батареи.

На одномъ изъ второстепенныхъ пунктовъ оборонительной линіи Севастопольскихъ укрѣпленій, командуя рядомъ грозныхъ орудій, стоялъ капитанъ-лейтенантъ Барецкой, съ фитилемъ въ одной рукѣ и кортикомъ въ другой. Онъ направлялъ полетъ снарядовъ во фланги колоннъ, шедшихъ на штурмъ, и мѣткими продольными выстрѣлами наносилъ большой вредъ осаждавшимъ непріятелямъ. Какъ вдругъ въ самомъ разгарѣ штурма, передъ батареей Барецкаго, точно изъ земли выросла небольшая колонна французовъ; она шла въ атаку съ ружьями на перевѣсъ, и уже была въ двухъ или трехъ стахъ шагахъ отъ рва бастіона. Барецкой взглянулъ

— Брось орудія, бей враговъ, чѣмъ попало!— кричалъ разсвирѣпѣвшій Барецкой и схватилъ тяжелое орудійное правило, окованное желѣзомъ. Команда была не велика, кромѣ матросовъ на бастіонѣ находилось двѣ роты пѣхоты, всѣ сомкнулись въ длинный строй и стали на брустверѣ. Закипѣлъ отчаянный бой, дрались почти въ рукопашную, наши трехъгранные штыки не раз сбрасывали въ ровъ трупы храбрецовъ, лѣзшихъ на валъ. Не раздавалось ни одного выстрѣла, слышался только звонъ штыковъ, да трескъ ломавшихся прикладовъ; а среди всего этого, время отъ времени, раздавался страшный предсмертный вопль, хрипѣніе умиравшихъ, да глухіе звуки падавшихъ въ ровъ мертвыхъ

попавшійся съ порохомъ мѣшокъ, выскочилъ опять изъ погребка, сѣлъ на землю, раздулъ фитиль и положилъ порохъ передъ собой.—Ну, теперь я отдохну,—проговорилъ онъ,—а между тѣмъ, когда пожалуютъ господа французы, будетъ чѣмъ ихъ угостить.

Осаждающіе одолѣли многочисленностью, но осажденные въ порядкѣ, сомкнутой кучкой, отступали къ заднему фасу бастіона.

— Сюда ребята! ко мнѣ! —кричалъ Барецкой отступающимъ. Солдаты и матросы бросились на голосъ капитана, а вслѣдъ за малой кучкой устремились непріятели. Но едва только подбѣжали враги на близкое разстояніе, Барецкой вскочилъ, и махая фитилемъ, закричалъ по-французски:—Allons courage, messieurs! здѣсь до-

АДМИРАЛЪ И. С. МАКАРОВЪ ВЪ СВОЕЙ КВАРТИРѢ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ, ВЪ ГРОБУ, ПОКРЫТОМЪ ПРОСТРѢЛЕННЫМЪ ЯДРАМИ ФЛАГОМЪ СЪ КОРАБЛЯ «ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ».

и удивился внезапному появленію непріятеля на такомъ близкомъ разстояніи.

— Заряжай орудія картечью!—закричалъ капитанъ-лейтенантъ громовымъ голосомъ и сталъ на лафетъ орудія, чтобъ лучше видѣть движенія колонны, надъ которой носились густые облака порохового дыма.— Пали,—крикнулъ грозный капитанъ.

Батарея рявкнула. Картечь вихремъ влетѣла въ колонну атакующихъ, и въ мигъ цѣлые ряды вырваны были чугуннымъ градомъ. Произошло замѣшательство, но на минуту,—ряды опять сомкнулись и французы съ ружьями на перевѣсъ, перебѣжавъ разстояніе отъ рва, бросились въ ровъ и стремительно полѣзли на валъ бастіона.

Барецкой, стоя на брустверѣ, какъ древній рыцарь съ палицей, дробилъ влѣзавшихъ на валъ своимъ тяжелымъ рычагомъ. Но, вотъ, нѣсколько французовъ вскочили уже на валъ и мгновенно окружили капитана, который послѣ получасоваго непрерывнаго боя началъ уставать.

— Rendez-vous monsieur!—крикнулъ французскій офицеръ, устремляя саблю въ грудь Барецкому, въ то время, какъ капитанъ отбивался отъ штыковъ и прикладовъ.

— А вотъ, сейчасъ,—отвѣтилъ Барецкой, и взмахнувъ орудійнымъ правиломъ, отбилъ нападавшихъ, а самъ, уловивъ мгновенье, въ нѣсколько прыжковъ очутился у порохового погреба и, вбѣжавъ во внутрь, схватилъ первый

Роковыя слова раздались какъ громъ надъ непріятелемъ, — толпа заколебалась. Этого было довольно для Барецкаго—онъ взмахнулъ кортикомъ и крикнувъ своимъ: «за мной!»—ударилъ на враговъ. Въ это-же время подоспѣвшая рота свѣжихъ солдатъ появилась на площадкѣ бастіона, французы отшатнулись и, объятые паническимъ страхомъ, обратились въ бѣгство, —но бѣгство было невозможно: впереди брустверъ и ровъ, сзади русскіе штыки. Припертые къ валу, непріятели остановились и рѣшились биться на смерть. Бой возобновился съ прежней яростью, но тутъ уже былъ перевѣсъ на нашей сторонѣ. Менѣе чѣмъ въ четверть часа, мѣсто

АДМИРАЛЪ П. С. НАХИМОВЪ НА БАСТІОНАХЪ СЕВАСТОПОЛЯ.

битвы усѣялось трупами; непріятели были почти всѣ перебиты, и только малое число тяжело раненыхъ взято въ плѣнъ. Капитанъ-лейтенантъ опять размѣстилъ людей по орудіямъ и, сдѣлавъ распоряженія, самъ преспокойно закурилъ сигару, и сѣлъ отдохнуть на лафетъ крѣпостного орудія.

Между тѣмъ на главныхъ пунктахъ Севастопольскихъ сухопутныхъ укрѣпленій бой еще продолжался. Однако-жъ, желѣзная стойкость нашихъ солдатъ, мужество и хладнокровная распорядительность начальниковъ давали намъ явный перевѣсъ надъ атакующими. Вскорѣ приступъ былъ отбитъ повсемѣстно, и разстроенныя колонны осаждавшихъ, провожаемыя картечью, быстро отступали.

Такъ кончился кровавый и многознаменательнѣй день 6-го іюня 1855 года. Отбитіе приступа отъ Севастопольскихъ укрѣпленій имѣло уже и то важное послѣдствіе, что доказало нашимъ врагамъ, какъ твердъ и стоекъ русскій воинъ въ великія рѣшительныя минуты боя, и какъ дорого можетъ стоить побѣда надъ такими войсками, которыя одушевлены чувствомъ любви къ отечеству. Мы давно уже отдали преимущество вооруженію и даже ловкости въ военныхъ движеніяхъ нашимъ бывшимъ непріятелямъ, но никто не умѣетъ умереть такъ геройски, какъ русскій солдатъ подъ своимъ знаменемъ. Въ этомъ послѣднемъ качествѣ всегда всѣ наши непріятели отдавали намъ пальму первенства.

По окончаніи и отбитіи штурма наступила тишина,—и нашимъ и непріятелямъ дѣла было довольно. Страшно становилось смотрѣть на груды тѣлъ непріятельскихъ, которыми усѣяна была земля впереди бастіоновъ, да и нашихъ пало не мало въ тотъ ужасный день. Многое нужно было исправить, перемѣнить, пополнить, привести въ ясность. Убитыхъ хоронили скромно, тихо; печаленъ и простъ былъ послѣдній долгъ, воздаваемый живыми падшимъ героямъ. Много безвѣстныхъ могилъ насыпано на Сѣверной и надъ этими безвѣстными могилами не поставлено пышныхъ памятниковъ, даже на многихъ не положено и камня, а поставлены простые деревянные кресты, великій символъ спасенія, за который пали въ смертной битвѣ мученики за вѣру и любовь къ отчизнѣ. Время сотретъ своей желѣзной рукой эти тѣнные, вещественные знаки памяти человѣческой, но не сотретъ она той памяти, которая сохраняется преданьемъ и исторіей и будетъ передаваться изъ поколѣнія въ поколѣніе. Мирно спятъ въ землѣ сырой кости защитниковъ Севастополя, и не нарушитъ ихъ вѣчнаго сна никакая житейская буря. По прошествіи многихъ лѣтъ, путникъ съ далекаго сѣвера, проходя по великому кладбищу, вѣрно остановится въ грустномъ раздумьи надъ Божьей нивой, и въ памяти его воскреснетъ великая осада Севастополя. Если душа его настроена поэтически, передъ нимъ въ воображеніи воскреснутъ картины грозныхъ битвъ, бомбардировокъ, штурмовъ, вылазокъ, полевыхъ сраженій, однимъ словомъ,—тѣхъ страшныхъ эпизодовъ, изъ которыхъ сложилась осада грознаго города. Но, стоя

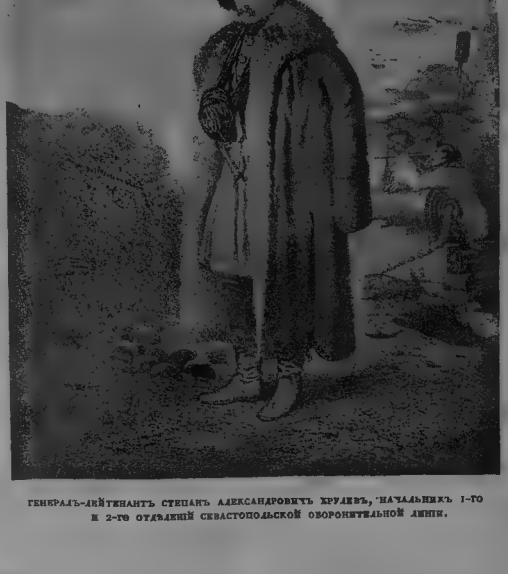
ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ ЭДУАРДЪ ИВАНОВИЧЪ ТОТЛЕБЕНЪ

чадъ полуравнявшимися могилами, придетъ ли ему на мысль подумать о тѣхъ мелкихъ, повидимому ничтожныхъ подвигахъ самоотверженія, которые совершены лицами не важными, имена которыхъ не написаны ни въ реляціяхъ, ни въ описаніяхъ, о которыхъ даже воспоминаніе сохранилось только между немногими, да и то со временемъ исчезнетъ. А много было этихъ, безвѣстныхъ героевъ, погибшихъ подъ развалинами Севастополя; имъ ни при жизни, ни послѣ смерти, не воздали люди ни почестями, ни славою, ни даже воспоминаніемъ. Но, спите спокойно, безвѣстные мученики - воины, вамъ воздастъ въ другой жизни Тотъ правосудный Мздовоздатель, за вѣру Котораго вы пали въ кровавой битвѣ!

Наконецъ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1856 года, заключенъ былъ миръ, давно ожидаемый съ такимъ нетерпѣніемъ. Послѣ разорительной и тягостной войны за восточный вопросъ наступила въ Европѣ тишина. И пока на Парижскихъ конференціяхъ еще разсуждали о второстепенныхъ вопросахъ, входившихъ въ трактатъ мира, всѣ тѣ, которые непосредственно участвовали въ великой кровавой драмѣ, которой послѣднее дѣйствіе была осада Севастополя, всѣ эти лица наконецъ вздохнули свободно и почувствовали всю сладость мира,—блага столь драгоцѣннаго въ нашей бурной земной жизни.

Мы все еще стояли бараками на Сѣверной сторонѣ, ожидая торжественнаго объявленія мира; но едва Высочайшій манифестъ былъ намъ прочитанъ, все закипѣло какъ-будто новою жизнію, все заликовало. Надо было быть очевидцемъ, чтобъ передать вполнѣ тотъ веселый, восторженный характеръ жизни нашихъ войскъ по заключеніи мира. Случалось ли вамъ испытать тягостное чувство подъ гнетомъ страшнаго сна, и потомъ противоположное ему пріятное ощущеніе при пробужденіи, когда вы наконецъ убѣждаетесь, что все, видѣнное вами, было только сонъ, а не дѣйствительность? Тоже самое, или подобное этому, ощущали и мы, когда увѣрились, что все измѣнилось къ лучшему, когда вмѣсто грома орудій раздавалась музыка, вмѣсто свиста ядеръ и другихъ убійственныхъ снарядовъ разносились въ воздухѣ веселыя пѣсни; вмѣсто смертныхъ стоновъ, крови и труповъ, видѣлись веселые лица, непринужденные разговоры, гулянье и пирушки. Какъ мгновенно мрачныя картины смѣнились веселыми пейзажами; печальная дѣйствительность — дѣйствительностію счастливой, и всѣ эти дивныя превращенія легко и мгновенно произвелъ своимъ божественнымъ жезломъ геній мира — свѣтлый посланникъ Божьяго Милосердія.

Вскорѣ послѣ замиренія, наши бывшіе непріятели пожаловали къ намъ въ гости, но уже не съ оружіемъ въ рукахъ, а съ братскимъ дружескимъ привѣтомъ. Великая картина для на-



ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ СТЕПАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ХРУЛЕВЪ, НАЧАЛЬНИКЪ 1-ГО И 2-ГО ОТДѢЛЕНІЙ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ЛИНІИ.

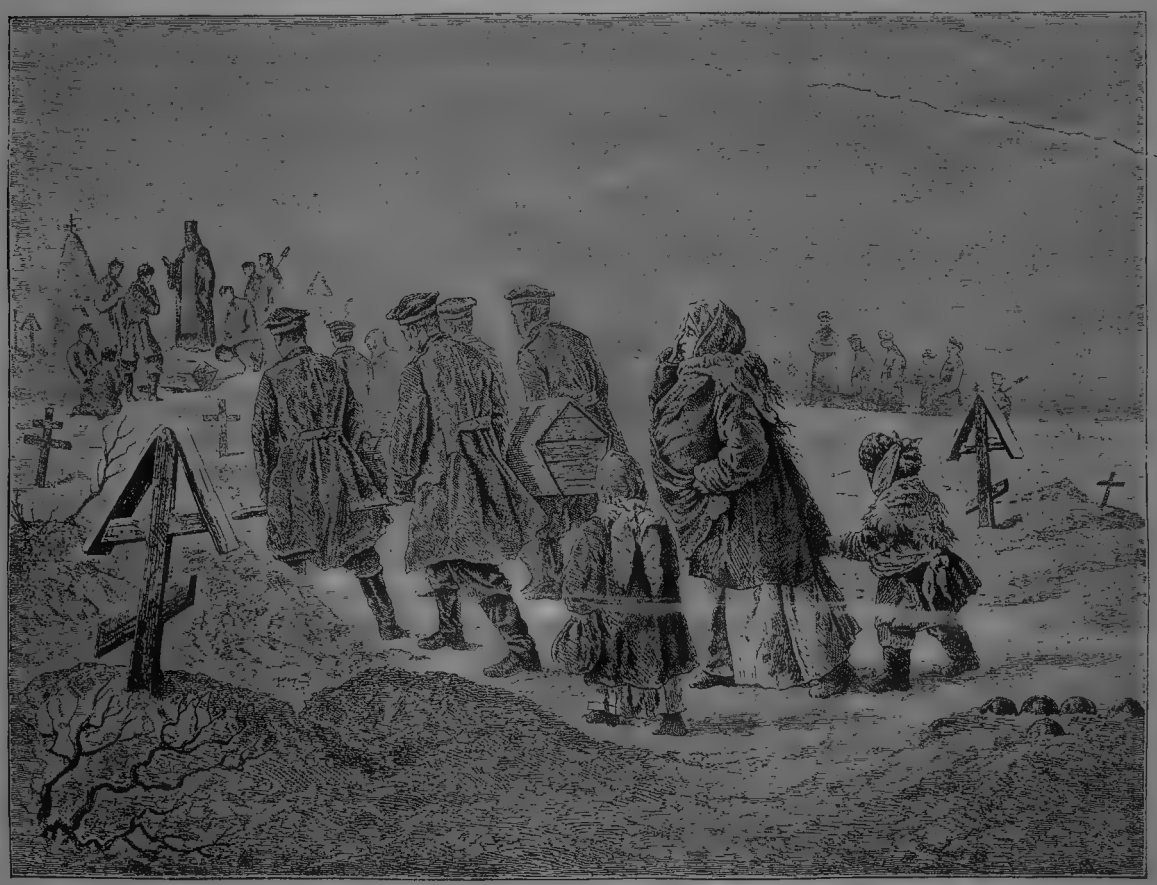
блюдателя, что люди, за нѣсколько дней назадъ истреблявшіе другъ друга, какъ дикіе звѣри, теперь веселятся и пируютъ вмѣстѣ, разговариваютъ въ пріятельскихъ бесѣдахъ, гуляютъ, охотятся,—однимъ словомъ, пользуются жизнію свободно, не страшась ни вражды, ни притѣсненій. Особенно часто посѣщали насъ французы. Этотъ народъ, котораго удивительно измѣнчивый и легкій характеръ произвелъ и въ ихъ собственной политической жизни столько кровавыхъ переворотовъ, чрезвычайно способенъ къ открытой, разгульной жизни, и для товарищества готовъ, въ веселую минуту, надѣлать всевозможныхъ глупостей. Мы любили ихъ остроумную, оживленную бесѣду, ихъ дѣтскій, откровенный характеръ въ разговорахъ, ихъ любезность и постоянно беззаботно-веселый видъ. Французъ говоритъ съ вами объ одномъ предметѣ, и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, перескакиваетъ на другой, переходитъ къ третьему, и часто серьезно начавшуюся рѣчь заканчиваетъ блестящей остроумной шуткой, и самъ сопровождаетъ ее отъ души выливающимся смѣхомъ. Французы какъ-будто созданы для веселой, беззаботной жизни: ихъ мнѣнія непостоянны, ихъ желанія перемѣнчивы, ихъ познанія поверхностны, ихъ бесѣды шутливы и не глубокомысленны, однимъ словомъ—вся жизнь ихъ, кажется, одна долгая шутка, хотя часто измѣняющая свой комическій характеръ въ мрачный, а иногда и въ жестокій. Совсѣмъ не то англичане. Съ этимъ народомъ сойтись трудно, а подружиться, сблизиться душевно почти невозможно. Ихъ угрюмый, сосредоточенный въ самомъ себѣ характеръ, ихъ глубокій практическій взглядъ на жизнь, ихъ холодное, гордое самолюбіе—все это такія преграды, которыя преодолѣть въ короткое время невозможно; нужны многіе годы, особенныя счастливыя обстоятельства, чтобы англичанинъ, отбросивъ свою британскую флегму и недовѣрчивость, дружески протянулъ вамъ руку и, такъ-сказать, ввелъ бы васъ въ очарованный, домашній бытъ своего семейства, въ которомъ онъ почти всегда играетъ роль полновластнаго владыки.

Наступилъ апрѣль мѣсяцъ. Подъ теплымъ крымскимъ солнцемъ все уже цвѣло и зеленѣло; а въ роскошныхъ долинахъ Тавриды, защищенныхъ отъ сѣзера горами, давно царствовало благодатное лѣто. Къ несчастію, мы изъ нашихъ бараковъ не могли свободно совершать отдаленныхъ прогулокъ и, значитъ, мало наслаждались красотами роскошной природы. Да, по правдѣ сказать, намъ и некогда было заниматься природой, жизнь наша была полна другихъ интересовъ, другихъ наслажденій. Мы, со дня на день, ожидали похода въ Россію, на родимый сѣверъ, гдѣ оставалось все милое намъ; гдѣ много сердецъ билось долгимъ, напраснымъ ожиданіемъ; откуда много вздоховъ и воспоминаній неслось на насъ, въ дальнюю Тавриду, гдѣ оружіемъ рѣшались судьбы славы и величія Россіи. Тѣмъ дальнимъ вздохамъ, слезамъ и воспоминаніямъ посвящены были наши думы и молитвы.

Въ одно роскошное утро, когда первые лучи солнца едва освѣтили наши бараки, около барака маіора Турбанова растягивался полотняный навѣсъ, и раскинуто уже было нѣсколько палатокъ. Въ баталіонѣ, которымъ командовалъ Иванъ Васильичъ, въ карабинерной ротѣ былъ ротный праздникъ, а этотъ праздникъ считался вмѣстѣ съ тѣмъ и баталіоннымъ праздникомъ, такой порядокъ завелъ маіоръ съ самаго вступленія своего въ командованіе баталіономъ.

Въ восемь часовъ утра карабинерная рота выстроилась передъ баракомъ батальоннаго командира. Поставили налой, миску воды, зажгли восковыя свѣчи, вскорѣ пришелъ полковой священникъ съ причтомъ и началося молебенъ съ водосвятіемъ. Послѣ молебна іерей окропилъ святой водой предстоявшихъ и поздравилъ съ праздникомъ; затѣмъ солдатамъ начали раздавать водку и пироги, и офицеры съ баталіоннымъ командиромъ отправились къ капитану Насорскому, въ ротѣ котораго былъ праздникъ. У Насорскаго выпили, закусили, и потомъ гурьбой перешли въ баракъ Турбанова, гдѣ и началося собственно праздникъ. Между тѣмъ подъ полотнянымъ навѣсомъ, на сколоченныхъ на скорую руку изъ досокъ длинныхъ столахъ, ставили приборы и бутылки съ виномъ. На обѣдъ къ Турбанову званы были всѣ офицеры полка, и изъ другихъ полковъ нѣкоторые знакомые маіора.

— «Поздравляю, Иванъ Васильичъ, съ праздникомъ, а завтра съ походомъ!»—проговорилъ полковой адъютантъ, входя въ баракъ и обращаясь къ Турбанову.



Похороны въ Севастополѣ въ 1855 году (съ картины В. Н. Маковскаго).

СЕВАСТОПОЛЬСКІЕ ГЕРОИ: УНТЕРЪ-ОФИЦЕРЪ САМОКАТОВЪ И РЯДОВОЙ БЕЗРУКІЙ.

— И слава Богу, пора намъ оставить это печальное мѣсто, — отвѣтилъ Турбановъ.

— Ну-съ, капитанъ, а васъ съ праздникомъ и выпивкой! — продолжалъ адъютантъ, шутливо потрепавъ по спинѣ капитана Насорскаго, который былъ очень полный мужчина съ огромными усами и еще огромнѣйшими бакенбардами.

— Теперь за шуточки, а небось въ Севастополѣ ходили съ постной физіономіей,—пробасилъ капитанъ Насорскій, закрутивъ свои богатырскіе усы, и прищурившись, насмѣшливо посматривалъ на адъютанта.

— Не сердитесь, почтенный бегемотъ, я пошутилъ для праздника!—проговорилъ адъютантъ, отходя отъ капитана.

— Взять, господа, мы наконецъ и прощаемся съ Севастополемъ,—сказалъ подполковникъ Брусничкинъ.

— И давно-бы пора! — отвѣтилъ за всѣхъ штабсъ капитанъ Туралинъ.

— Что правда, то правда,—продолжалъ подполковникъ, видимо желавшій завести разговоръ о политикѣ.—Давно-бы пора,—продолжалъ онъ, —отдать эти негодныя груды известки, такъ нѣтъ. Да и что за великая важность для Россіи какой-нибудь Севастополь? плюнуть стоитъ, — и гдѣ угодно явится такой же городъ.

— Ну, я съ вами не согласенъ,—заговорилъ Турбановъ, вмѣшиваясь въ разговоръ, — тутъ главную роль игралъ не городъ, пожалуй, даже и не мѣсто, а все дѣло было въ вопросѣ: кому первому уступить извѣстный пунктъ.

— Такъ изъ-за этого и умирать?!—вскричалъ Брусничкинъ, одушевляясь.

— Такова судьба войнъ! грустно сказалъ Турбановъ.

— Хороша судьба!

— Пусть-бы и такъ, но для насъ, горячо любящихъ свою отчизну, свою вѣру, своего царя, подобная гибель не страшна, за ней насъ ожидаетъ слава и вѣчная благодарность и молитвы. Такъ-то, подполковникъ!—Турбановъ проговорилъ это голосомъ спокойнымъ, но во взглядѣ его, устремленномъ на Брусничкина, виднѣлось чувство неблагосклонное и даже грозное.

Брусничкинъ не сказалъ ни слова и разговоръ перешелъ на другіе предметы. До обѣда время прошло незамѣтно. Въ два часа сѣли за столъ; обѣдъ заключился тостами за здоровье Русскаго Монарха, какъ главнаго виновника благодатнаго мира. Всѣ встали изъ-за стола въ хорошемъ расположеніи духа и веселые. Подъ шатромъ и вокругъ палатокъ образовались кучки изъ офицеровъ—шла оживленная бесѣда.

— А за вами, господинъ квартермистръ, маленькій должокъ,—проговорилъ полковой адъютантъ, обращаясь къ штабсъ-капитану Химко.

— Понимаю, добре!—отвѣтилъ квартермистръ и велѣлъ принести дюжину бутылокъ шампанскаго и двѣ дюжины портеру.

Пробки защелкали и искрометное вино полилось въ стаканы. Кто не пилъ вина, пилъ портеръ; для другихъ подали пуншъ—однимъ словомъ, пиръ былъ широкій и уже почти небывачный. Такъ незамѣтно наступилъ вечеръ. Теплый вѣтерокъ чуть чуть подувалъ съ моря; въ воздухѣ ощущалась та весенняя мягкость, которая всегда такъ нѣжитъ нервы и располагаетъ человѣка къ жаждѣ наслажденій. Надъ моремъ медленно гасла послѣдняя желто-розовая полоса зари, и чѣмъ темнѣе становилось на западѣ, тѣмъ синѣй и глубже представлялось небо, тѣмъ ярче и ярче въ глубинѣ необъятной бездны загорались звѣзды и планеты. Ни одного облачка на синемъ небесномъ сводѣ, только надъ далекой вершиной Чатырдага мирно пріютилась небольшая бѣловатая тучка. Изъ-за гребней горъ поднималась полная луна, на ея золотистомъ дискѣ ясно можно было различить какія-то странныя, таинственныя очертанія, очень похожія на лицо человѣка. И часто думалось мнѣ, въ часы свѣтлыхъ лѣтнихъ ночей, глядя на полный мѣсяцъ: отъ чего это кроткое ночное свѣтило, выходя на небо среди ночного безмолвія и покоя природы, дѣйствуетъ своимъ таинственнымъ свѣтомъ какъ-то особенно странно на нашу душу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ лунномъ свѣтѣ заключена особенная чудная сила, которой вліяніе иногда бываетъ даже вредно для человѣка, какъ это испытываютъ подъ тропиками.

Я отдѣлился отъ толпы моихъ товарищей и ходилъ вдоль бараковъ, наслаждаясь прохладой чудной весенней ночи. Крымскія ночи, даже и ранней весной, бываютъ теплы и роскошны. Я не говорю уже о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сады и цвѣтущія долины вѣютъ на васъ ароматомъ лимона, гвоздики и померанца; тамъ уже воздухъ слишкомъ сладострастенъ, и не всякая натура вынесетъ безнаказанно его раздражающее, опьяняющее дыханіе. Нѣтъ, и въ мѣстахъ, покрытыхъ довольно скудной флорой, ночью, въ Крыму, чувствуется что-то особенно страстное; слышишь, какъ тонкій ароматъ вдыхается вмѣстѣ съ воздухомъ, и нечувствительно расширяется грудь, учащается біеніе сердца и у самаго безстрастнаго человѣка является желаніе чего-то нѣжнаго, похожаго и на жаръ поцѣлуя, и на страстныя ласки и, на голосъ любви и восторга.

— Что вы дѣлаете? мечтаете? — раздался позади меня голосъ Турбанова.

Я остановился.

— Пойдемте на кладбище, а оттуда взглянемъ еще разъ на Севастополь, — продолжалъ Иванъ Васильичъ,—завтра мы идемъ въ походъ, и, можетъ-быть, никогда уже не придется опять побывать въ Крыму.

— Очень радъ,—отвѣтилъ я. И мы пошли по направленію къ кладбищу.

Идя я думалъ о грозномъ прошедшемъ, и оно мнѣ казалось какимъ-то ужаснымъ сномъ. Въ душѣ человѣка есть особенная способность находить наслажденіе въ воспоминаніи всего печальнаго и страшнаго, когда оно прошло надъ нами, не оставивъ никакого рѣзкаго слѣда для настоящаго. Особенно пріятно вспоминать объ опасностяхъ, въ которыхъ мы сами были героями, и жертвовали своей жизнію за великіе и святые принципы.

РАТНИКЪ МАТВѢЕВЪ, СЛУЖИВШІЙ ВЪ 1812 ГОДУ, ВНОВЬ ВСТУПИВШІЙ ВЪ АРМІЮ, «ЗАЩИЩАТЬ СЕВАСТОПОЛЬ».

Тутъ къ удовольствію воспоминанія примѣшивается и чувство гордости, что и мы принесли великую жертву что и наша роль въ жизни не была ничтожна.

Мы скоро достигли кладбища, которое раскидывалось на возвышенности, какъ бы для того, чтобъ могилы защитниковъ Севастополя всегда могли обозрѣвать великій городъ со всѣми его окрестностями и вѣчно шумящимъ моремъ.

— Вотъ мы и на кладбищѣ,—сказалъ Турбановъ,— отдадимъ послѣдній долгъ нашимъ убитымъ товарищамъ и простимся съ мѣстомъ ихъ вѣчнаго успокоенія.

Вотъ оно, великое кладбище, послѣднее мѣсто успокоенія Севастопольскихъ героевъ, павшихъ въ битвахъ и погибшихъ во время долгой осады. Особенное чувство проснулось въ душѣ моей, когда я окинулъ глазами это несмѣтное множество могилъ, съ возвышающимися надъ ними крестами и памятниками. Чудная тишина ночи особенно располагала къ религіозно-мистическому вдохновенію надъ гробницами отжившихъ нашихъ братій—товарищей. Я подошелъ къ могилѣ подпоручика Левина; на могилѣ лежалъ простой известковый камень, на немъ грубо вырѣзаны были годъ, мѣсяцъ и день кончины молодого человѣка, котораго коса смерти сразила въ цвѣтѣ лѣтъ. А вотъ, рядомъ съ прахомъ юноши, спитъ непробуднымъ сномъ старый воинъ, проведшій всю жизнь на службѣ отчизнѣ и, наконецъ, павшій съ оружіемъ въ рукахъ славною смертію героя. Какія рѣзкія противоположности—старость и молодость; множество не сбывшихся надеждъ, и долголѣтняя опытность, смотрѣвшая съ стоической философіей на общій нашъ конецъ. Чья жертва тяжелѣе, юноши или старца? Я думаю юноши, которому что ему улыбалась жизнь, и много радужныхъ надеждъ свѣтилось впереди подъ общимъ именемъ земного счастія. Но смерть уравняла юность со всей старостью покрыла земля своей холодной, бездушной грудью. Такъ думалъ я, переходя отъ одной могилы къ другой, творя молитву и мысленно прощаясь съ прахомъ уснувшихъ вѣчнымъ сномъ товарищей.

А надъ Божьей нивой высоко сіялъ въ небѣ полный мѣсяцъ, и, казалось, пристально всматривался въ давно знакомыя ему могилы. Бѣлые надгробные камни, освѣщенные луннымъ свѣтомъ, казались еще бѣлѣе; черные кресты отбрасывали длинныя тѣни на тихія могилы. «Кто знаетъ,—думалось мнѣ,—можетъ-быть, души усопшихъ спускаются съ высоты неба въ этотъ часъ ночи на свои гробницы; можетъ-быть, имъ дозволено навѣщать свои бренные останки, которые въ послѣдній день всеобщаго воскресенія мертвыхъ встанутъ нетлѣнными и опять соединятся съ покинувшими ихъ душами...» Я съ чувствомъ особеннаго страха всматривался въ лучи луннаго свѣта, ожидая увидѣть въ нихъ легкія тѣни усопшихъ, но взоры утомились, не подмѣтивъ ничего сверхъ-естественнаго, котораго такъ жадно ждала душа моя, настроенная къ чудесному. Тихъ и безмятеженъ послѣдній, долгій сонъ умершихъ!—не прерветъ его никакая буря, не возмутитъ его вражда человѣка; не придетъ корысть и суетная земная гордость къ послѣднему пристанищу нашего бреннаго тѣла.

Походивъ по кладбищу, обошедши могилы товарищей и другихъ великихъ дѣятелей грозной военной эпохи, я взошелъ на болѣе возвышенное мѣсто и взглянулъ на Севастополь черезъ бухту. Освѣщенные луннымъ свѣтомъ, теперь безмолвно и мирно лежали развалины славнаго города, за нѣсколько времени передъ этимъ тонувшія въ огнѣ и дымѣ и потрясавшіяся отъ грома ежедневной канонады. Немногія полуразрушенныя зданія, возвышаясь надъ огромными грудами камня и мусора, принимали подъ луннымъ свѣтомъ странныя очертанія и казались какими-то громадными мавзолеями на обширномъ древнемъ кладбищѣ — остаткѣ временъ давно минувшихъ. Море охватывало своими холодными, гигантскими руками этотъ небольшой клочокъ земли, съ раскинувшимися на немъ пустынными развалинами, и дѣлало видъ ихъ еще пустыннѣе. Не видно было ни огней, ни движенія, не слышалось людского шума на улицахъ безлюднаго города,—все было мертво и неподвижно. Спятъ развалины, облитыя кровью нѣсколькихъ десятковъ тысячъ людей, спятъ и ждутъ, пока настанетъ часъ ихъ пробужденія, и подъ вліяніемъ могучей воли человѣка вновь закипятъ въ нихъ движеніе и жизнь; изъ грудъ камней воздвигнутся зданія, море покроется кораблями; опять будутъ суетиться люди, хлопотать и метаться изъ-за временныхъ благъ жизни; а на вновь воскресшій изъ развалинъ городъ все будетъ спокойно смотрѣть черезъ бухту кладбище героевъ, которые кровью своей обезсмертили Севастополь.

До меня долетѣлъ тихій плескъ волнъ, ударявшихся о каменистый берегъ; этотъ легкій шумъ, въ чистомъ ночномъ воздухѣ, походилъ на могучій вздохъ природы о грѣшныхъ дѣлахъ человѣка. Мирно свѣтилъ съ высокаго неба мѣсяцъ, и, казалось, особенно роскошно изливалъ свое магнитное сіяніе на мѣста великихъ событій. Мнѣ стало горько и грустно за прошедшее, но я взглянулъ на сіявшій въ лунномъ свѣтѣ крестъ Севастопольскаго собора, и въ душу мгновенно проникло благоговѣйное чувство смиренія передъ неисповѣдимымъ Промысломъ, Который своей божественной десницей на мѣстѣ смерти и разрушенія сѣетъ сѣмена жизни. Прощайте, могилы героевъ, прощай, Севастополь!

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ МЕДАЛЬ.

Въ книжныхъ магазинахъ товарищества М. О. Вольф

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, Гостиный дворъ, № 18. ВЪ МОСКВѢ, Кузнецкій мостъ, д. № 12

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ:

УСЫПАЛЬНИЦА
РУССКИХЪ ГОСУДАРЕЙ
ПЕТРОПАВЛОВСКІЙ СОБОРЪ
и
ЕГО ЦАРСКІЯ ГРОБНИЦЫ

ВИКТОРА РУСАНОВА

Съ 23-мя гравированными видами

Цѣна 30 коп.; съ пересылкою цѣна 40 коп.; съ наложеннымъ платежомъ цѣна 50 коп.

ЦАРСКОЕ СЕЛО
ЕГО ДВОРЦЫ, ПАРКИ, САДЫ, ПАМЯТНИКИ
ВЪ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ
А. ВОЛКОВА

Съ 28-ю гравированными видами и 1 планомъ Царскаго Села

Цѣна 30 коп.; съ пересылкою цѣна 40 коп.; съ наложеннымъ платежомъ цѣна 50 коп.

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛЫ РУССКОЙ АРМІИ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
Л. ПОЛЯНОВА

Съ 62 иллюстраціями въ текстѣ

Цѣна 30 коп.; съ пересылкою цѣна 40 коп.; съ наложеннымъ платежомъ цѣна 50 коп.

Стоимость книгъ можно высылать марками.

…ября 1894 г. начался одиннадцатый годъ изданія журнала

1885 г. НОВЬ 1895 г.

Иллюстрированный двухнедѣльный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки, искусства и прикладныхъ знаній

ЗА 14 РУБЛЕЙ

Безъ всякой доплаты за преміи, *подписчики «НОВИ» получаютъ въ 1895 году*, съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи, безъ какихъ-либо доплатъ за пересылку премій слѣдующія ПЯТЬ изданій:

1) 12 ТОМОВЪ НОВАГО ИЗДАНІЯ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО

въ 12-ти изящныхъ переплетахъ изъ лучшаго англійскаго краснаго коленкора съ богатымъ тисненіемъ какъ на передней, такъ и на задней сторонѣ, съ красивыми обложками и въ прочномъ папочномъ футлярѣ

2) ЖУРНАЛЪ

НОВЬ

общедоступный иллюстрированный двухнедѣльный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки, искусства и прикладныхъ знаній.

24 выпуска въ форматѣ наибольшихъ европейскихъ иллюстрацій,

въ которыхъ читатели найдутъ, рядомъ съ массою образцовыхъ и художественныхъ картинъ и рисунковъ, въ высшей степени интересный матеріалъ для чтенія, какъ по беллетристикѣ, такъ и по всѣмъ другимъ отраслямъ литературы.

3) ОСОБЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОТДѢЛЪ подъ общимъ заглавіемъ:

МОЗАИКА

составляющій какъ бы самостоятельный иллюстрированный журналъ по прикладнымъ знаніямъ, вмѣщающій въ себѣ слѣдующія 16 рубрикъ:

1) «Домашній врачъ». Статьи и сообщенія по вопросамъ домашней гигіены и популярной медицины.

2) «Воспитаніе и обученіе». Статьи и сообщенія по вопросамъ общепедагогическимъ для школы и семьи.

3) «Сельское хозяйство». Статьи и сообщенія по всѣмъ отраслямъ земледѣлія, скотоводства, сельскаго хозяйства и плодоводства.

4) «Друзья и любимцы изъ міра животныхъ». Статьи, относящіяся до ухода и разведенія домашнихъ животныхъ.

5) «Садъ, цвѣтникъ и огородъ». Статьи и сообщенія, посвященныя садоводству, плодоводству, комнатному цвѣтоводству и огородничеству.

6) «Искусство». Статьи и сообщенія по всѣмъ отраслямъ изящныхъ искусствъ.

7) «Спортъ». Статьи и сообщенія, относящіяся ко всѣмъ видамъ спорта, на сушѣ и на водѣ.

8) «Военное и морское дѣло». Популярныя статьи, сообщенія и извѣстія, посвященныя всѣмъ отраслямъ военнаго и морского дѣла.

9) «Торговля и промышленность». Разныя статьи, сообщенія и извѣстія, относящіяся до русской и иностранной торговли, промышленности и финансовъ.

10) «Изобрѣтенія и открытія», русскія и иностранныя, по всѣмъ отраслямъ знанія.

11) «Культура и наука». Отчеты, статьи и замѣтки, по всѣмъ отраслямъ наукъ и знаній.

12) «Театръ и музыка». Статьи, сообщенія и извѣстія, относящіяся до сценическаго искусства, театральнаго дѣла и музыки.

13) «Піанистъ». Ноты для фортепіано и пѣнія, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ композиторовъ.

14) «Для дамъ хроника». Этотъ богато иллюстрированный отдѣлъ замѣнитъ подписчикамъ лучшіе заграничные модные журналы.

15) «Для смѣха». Иллюстрированный юмористическій отдѣлъ.

16) «Извѣстія новаго книжнаго магазина». Библіографія и свѣдѣнія о вновь выходящихъ книгахъ и т. п.

4) ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА

12-ть ежемѣсячныхъ книжекъ особаго и совершенно самостоятельнаго иллюстрированнаго журнала, выходящаго каждаго перваго числа, въ объемѣ 10 печатныхъ листовъ.

Въ 12-ти книжкахъ этого журнала подписчики «НОВИ» найдутъ богатый выборъ новыхъ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ, РАЗСКАЗОВЪ и СТИХОТВОРЕНІЙ выдающихся писателей, со многими иллюстраціями.

5) ДВѢ НОВЫЯ КНИГИ форматѣ in-folio

ЖИВОПИСНОЙ РОССІИ

Отечество наше въ его земельномъ, историческомъ, племенномъ, экономическомъ и бытовомъ значеніи.

Полное и всестороннее описаніе Россійской Имперіи. Текстъ извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей. Рисунки на деревѣ лучшихъ художниковъ.

Подъ общей редакціей сенатора П. П. Семенова, вице-предсѣдателя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Въ двухъ роскошныхъ переплетахъ изъ англійскаго краснаго коленкора съ богатымъ золотымъ тисненіемъ, въ папочномъ футлярѣ.

XI (1895) подписной годъ начался съ 1-го Ноября 1894 г.

Петербургскимъ и Московскимъ подписчикамъ *12 переплетенныхъ томовъ полнаго собранія сочиненій А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО и ДВѢ книги въ переплетахъ «ЖИВОПИСНОЙ РОССІИ»* выдаются при самой подпискѣ. Иногороднымъ же подписчикамъ высылка этихъ безплатныхъ премій началась съ 1-го Ноября и производится въ строгомъ порядкѣ поступленія подписчиковъ. Въ виду необыкновенно большого вѣса премій, почтамтъ принимаетъ только ограниченное количество экземпляровъ за-разъ, поэтому-то преміи не могутъ быть высланы одновременно и при одномъ нумерѣ журнала всѣмъ подписчикамъ.

Главныя безплатныя преміи, т.-е. 12 переплетенныхъ томовъ сочиненій Писемскаго и ДВѢ книги «ЖИВОПИСНОЙ РОССІИ» выставлены въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ Товарищества *М. О. Вольфъ*, въ прочихъ городахъ и мѣстахъ Имперіи—у мѣстныхъ книгопродавцевъ, въ почтово-телеграфныхъ конторахъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ гдѣ производится продажа книгъ. Такимъ образомъ, желающіе подписаться на «НОВЬ» могутъ убѣдиться въ дѣйствительно небывалой цѣнности и достоинствѣ безплатныхъ премій.

ГОДОВАЯ ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за всѣ вышеобъявленныя изданія вмѣстѣ съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи безъ всякой доплаты за пересылку премій **14 р.**

Допускается подписка на «НОВЬ» съ разсрочкою платежа на слѣдующихъ условіяхъ:

I. Для частныхъ лицъ, подписывающихся на одинъ экземпляръ: При самой подпискѣ высылается или вносится не менѣе двухъ рублей, а затѣмъ предоставляется усмотрѣнію подписчика вносить или по 1 рублю ежемѣсячно, или по 2 рубля каждые два мѣсяца, или по 3 рубля каждые три мѣсяца, или, наконецъ, по 4, 5, 6, 7 рублей каждые четыре, пять, шесть, семь мѣсяцевъ — до полной уплаты всей годовой подписной цѣны, т.-е. 14 рублей. *Безплатныя преміи, т.-е. 12 переплетенныхъ томовъ сочиненій Писемскаго и 2 книги переплетенныя книги „Живописной Россіи"*, высылаются или выдаются подписчику только *по уплатѣ всѣхъ 14 рублей.*

II. Для казенныхъ и общественныхъ учрежденій, подписывающихся на нѣсколько экземпляровъ: При самой подпискѣ высылается или вносится *за каждаго подписчика не менѣе 4 рублей.* Затѣмъ слѣдующіе взносы денегъ могутъ быть производимы частями и въ сроки по усмотрѣнію самаго учрежденія, съ тѣмъ, однако, непремѣннымъ условіемъ, чтобы деньги за годовую подписку всѣхъ подписчиковъ были полностію уплачены не позже 1-го октября 1895 года. Учрежденія, не выславшія всѣхъ денегъ къ этому сроку, лишаются права получить безплатныя преміи. *Безплатныя преміи* т. е. *12 переплетенныхъ томовъ сочиненій Писемскаго и 2 книги переплетенныя книги „Живописной Россіи"*, высылаются или выдаются подписчикамъ только *по уплатѣ всѣхъ 14 рублей.*

Подписка принимается исключительно въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ въ С.-Петербургѣ, Гостиный Дворъ, № 18; иногородніе подписчики благоволятъ адресовать прямо въ Москвѣ, Кузнецкій мостъ, № 12, и въ редакціи «НОВИ» въ С.-Петербургѣ, Васильевскій Островъ, 16 линія, собств. д. № 5 — 7.

Редакторъ и издатель Александръ Маврикіевичъ ВОЛЬФЪ.

Типографія Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ, Васил. Остр., 16 лин., д. № 5. Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 21 ноября 1894 года.